

И. Степанов.

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

(ОБ АДЕ И РАЕ, БЕСАХ И АНГЕЛАХ,
ГРЕШНИКАХ И ПРАВЕДНИКАХ И О
ПУТЯХ К СПАСЕНИЮ).

ВЯТКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1922 г.

Р. В. Ц. 28. (г. Вятка). 1922 г. 2 госуд. типография. Тир. 10000

Житие святителя Николая.

I.

Святитель Николай занимает совершенно особенное положение среди деревенских святых в средней России. Конечно, всякий святой—дополнительный бог на ряду с главным богом. И совершенно неосновательно говорят, будто православие признает только одного бога. Богом признается бог отец, богом же—его сын и богом признается исходящий от бога дух. Но и богородица—тоже бог, и боги же все ангелы, и Сергей Радонежский, и Георгий Победоносец, и Кузьма и Демьян, и многие десятки или, вернее, многие сотни тысяч святых. Четырнадцать тысяч младенцев, будто бы избитых Иродом в Вифлееме, признаются святыми, их память чествуется церковью 29 декабря (числа, как и дальше, по старому стилю). Святые же—и двадцать тысяч мучеников никоимидийских (моление им совершается 28 декабря). Я попытался сделать подсчет по житиям святых, быстро перевалил за сотню тысяч, а скоро и счет потерял святых; правильно будет сказать, их целые полчища.

И нет никакой разницы между этими святыми и так называемыми языческими богами. Там тоже один или несколько богов главные, самые великие. Ниже их стоит несколько десятков богов, имена которых известны всем верующим. А еще ниже идут мелкие боженята, про которых известно только одно: живут они в лесах, в горах, в прудах, около источников; и нет у них своего имени, как почти у всех вифлеемских младенцев или никоимидийских мучеников. Нет у них своего собственного имени, как нет его у злых христианских богов: у леших, русалок и домовых.

Ну, а такие святые, как Егорий (Георгий), Илья, Петр, Кузьма и Демьян, Флор и Лавр, это—так прямо добрые христианские боги. Они похожи на языческих богов и в том отношении, что каждый из них заведует каким-нибудь особым делом: тот—коровами, тот—лошадьми, тот—ключами от царства небесного, тот—громом и молнией. Эти святые просто заменили до-христианских богов и сами превратились в богов.

В до-христианский, так называемый языческий период, славян у них было много богов. С объединением отдельных племен главный бог наиболее сильных племен стал превращаться в главного бога объединяющихся. Но и после объединения отдельные племена по-прежнему чтили своих старых богов. С развитием земледелия особенно важными сделались боги, чествование которых приходится на время, когда выполняются особенно существенные

сельско-хозяйственные работы: посев озимых и яровых хлебов, начало покоса, жатвы и т. д.; или же на такое время, когда явственно совершается смена времен года: начинают прибывать дни или, напротив, они начинают уменьшаться, или когда день становится равным ночи (около 10 марта, июня, сентября и декабря).

Когда язычество сменилось христианством, языческие религиозные празднества заменились христианскими, и имена языческих богов заменились именами христианских богов, память которых чтится около того же времени. Таким образом наиболее чтимыми деревенскими богами сделались вешний Егорий, Иван Купала, Петр и Павел, Илья пророк, летний и зимний Никола и богородица с такими ее праздниками, как Благовещение, Покров и т. д.

Во всяком случае христианским святым молятся, как богам, и приносят жертвы, как главным богам, — даже более обильные жертвы, чем главным богам. — Возьмите, например, духа святого. Кто помнит о нем в течение года? Составляя святцы, попы в конце-концов и для него назначили день жертв приношений, приткнули его после дня всей святой троицы. А вот богу отцу приходится утешаться тем, что он главный бог и что его будто бы чтут ежедневно; поэтому ему не дали ни одного дня в году.

Не то со святыми. Об их главных днях, когда они именинники, и говорить нечего. Тогда пожаром горят лампадки и свети перед их образами, и всеми цветами радуги стливают ризы на этих образах, усеянные драгоценными камнями и жемчугом. Да и в обыкновенные дни сотни и тысячи поклонников вспомнят о Пантелеимоне целителе или о матушке Иверской, — вспомнят и зажгут им свечку или лампадку. Большого святого чтут больше, чем главного бога, и приносят ему более обильные жертвы.

Правда, благочестивые люди хотят обмануть себя и других, уверяя, что святые для них не боги, а ходатаи и заступники перед богом. Они просто передают ходатайства верующих, как чиновники передавали прошения какому-нибудь царю. И как чиновнику надо было заплатить за написание прошения и за передачу его выше, принести материи на пальто или нубу, так и святому надо поставить свечку или лампадку и делать драгоценные ризы.

Это сравнение с царскими чиновниками совершенно правильно. Но оно говорит то самое, что и я говорю. Каждый чиновник при царе был царьком, а для своей области или для своих дел и прямо царем. Тоже и со святыми. Один — бог над громом и молнией, другой — коровий бог, третий — бог над лошадьми и т. д. И все они боги для христиан.

Много богов у верующего человека, не меньше, чем было царей и царьков при царе. Но среди этого сонма богов чудотворец Николай — особенный бог. Он стоит рядом с Иисусом Христом и его матерью. Никто не знает и не понимает святой троицы. Бог-отец, бог-сын, бог-дух: эта троица, в особенности в деревне, заменялась другой, такой простой, понятной и ясной, — Иисус, его мать и Микола милостивый.

Познакомимся с жизнью святителя Николая, посмотрим, не объяснит ли она, почему он сделался одним из наших больших богов.

II.

Лет до 15 я жил в таком городишке, где нельзя было добыть никаких путных книг. Изредка удавалось достать отдельные томы Пушкина, Лермонтова, Тургенева. При огромной тяге к чтению приходилось глотать буквально все, что попадало под руку. Было перечитано много всякого хлама и во всяком случае много времени было ухлопано даром. Попало мне и две-три огромных книги в кожаных переплетах, напечатанных на церковно-славянском языке. Это были жития святых, составленные митрополитом Макарием более 300 л. тому назад и впоследствии много раз издававшиеся снова. Издавались они между прочим и при Николае первом. Я еще и теперь помню многое из них. И жалею, что все не могу достать таких книг. Очень просил бы читателей достать мне огромные жития святых напечатанные в первой половине прошлого века, и доставить через редакцию газеты «Правда» (Москва). В новейших изданиях синодские чиновники в митрах и треуголках, рясах и мундирах многое изменили, многое вытравили, многое приспособили к нравственным понятиям и к общему мировоззрению современного человека.

Мне приходится пользоваться житиями в издании московской синодальной типографии. К составлению их приложили руку многие епископы и пом., некоторые профессора, как, например, М. И. Соколов, В. О. Ключевский. Огромное издание в 14 больших томов получилось на редкость бездарное. Это — выжатый лимон по сравнению с теми житиями, которые я читал в детстве. Совершенно естественно, что такая работа по окончании получила «полное одобрение» Николая Романова.

Для жития мирликийского чудотворца и этой работы нам будет достаточно. В больших жизнеописаниях рассказывается тоже самое, — только благочестивых размышлений еще больше, чем в московском синодальном издании.

В сказаниях о рождении и детстве Николая есть кое-что напоминающее о греческих героях. Несбычно его рождение, необычно младенчество, предвещая своей необычностью совершенно необычную жизнь; но только это не греческий герой, а христианский святой, и потому его детство предвещает не героические, а чисто христианские подвиги.

Родители его, Феофан и Нонна, рассказывают жития, были люди благочестивые, знатные и богатые. После его рождения мать его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой кончины осталась неплодной.

Телерешиные проникнутые греховностью люди скажут, что если только Нонна не была старухой, бесплодие свидетельствовало об ее болезни. Но благочестивому составителю жития все это пред-

ставляется в ином виде. Он пишет: «Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним. Освященный еще в утробе матери богодухновенною благодатью, он явил себя благочестивым почитателем бога ранее, чем увидел свет, стал творить чудеса прежде, чем начал питаться молоком матери, и был постником прежде, чем привык вкушать пищу».

Мысль сказания, насколько ее можно понять, такова: если бы Николай еще в утробе матери не почитал бога, он не мог бы совершить чуда. А чудо заключалось в том, что роды были очень легкие и роженица немедленно встала с постели. Возможно только, что она и поплатилась за это бесплодием на всю остальную жизнь.

А теперь о постничестве и прочих подвигах младенца Николая. «По своем рождении еще в купели крещения он три часа простоял на ногах, никем не поддерживаемый, воздавая сим честь пресвятой троице» (значит ровно по часу в честь каждого из трех главных богов).

«В нем можно было узнать будущего чудотворца уже по тому, как он прикидал к сосцам матери, ибо он питался молоком одной правой груди, знаменуя тем будущее состояние свое одесную Господа вместе с праведниками. Свое изрядное постничество он проявил в том, что по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером, по совершении родителями обычных молитв».

И надо полагать, что в постные дни он являл постный вид и проливал слезы, а по праздникам смеялся, и не плакал, и всегда сохранял свои пеленки в отменной чистоте, знаменуя сим чистоту своей души, содеявшую его праведником перед господом.

Достигнув зрелости, Николай «всячески уклонялся от суетных друзей и праздных бесед, избегал разговора с женщинами и даже не смотрел на них». Очевидно, в его душе бушевали прямо африканские страсти, и разговор со *всякой* женщиной, один взгляд на *всякую* женщину порождал непреодолимое желание обладать ею. Невольно вспоминается «ученая» кошка, которая, сидя рядом с мясом, напускает на себя глубоко равнодушный вид, притворяется спящей и с презрением отворачивается в сторону. Не легко давалось обуздание своих страстей праведникам, пока они не достигали преклонного возраста. И на каждом шагу, во образе *всякой* бабы, их подстерегал и ловил соблазн.

Происходя от богатых и знатных родителей, Николай сделал головокружительно быструю духовную карьеру. Дядя его, Николай, был епископом, и родители будущего святителя Николая называли своего сына в честь этого дяди. Дядя взял юношу Николая к себе и посвятил его в священники. Через короткое время, отправившись в Палестину на поклонение святым местам, Николай-дядя назначал Николая-племянника своим заместителем. Следовательно,

уже для юноши Николая была проложена широкая дорога к епископству.

Дело происходило около 1600 лет тому назад. Значит, уже тогда не только священнические, но и епископские места передавались от родственников к родственникам.

В это время родители Николая умерли. Житие рассказывает: «Получив в наследство их имение, Николай раздал его нуждающимся». Но сейчас же мы увидим, что, хотя он и раздал именно нуждающимся, у него все же осталось несколько меников золота. Значит, он раздавал его, остерегаясь, — не так, как требуют «Деяния апостолов», которые карают смертною казнию за утайку части имущества.

Мы сжато, но полно пересказываем все житие. В младенчестве Николай сосал только правую грудь матери, по постным дням сосал молско вечером, в юности не разговаривал с женщинами, не смутрел на них и т. д.; сказание пока не приводит более убедительных доказательств святости Николая.

III.

Художники неоднократно вдохновлялись разными происшествиями из жизни Николая. Существует не мало картин такого содержания: среди глубокой ночи Николай бросил мешок с золотом в окно избушки одного мужика и спешит уйти незамеченным. Выходит, что крестьяне по заслугам считают Николая своим богом.

В действительности все это не совсем так или даже совсем не так: в действительности Николай помогал не бедному мужику, а человеку такого же происхождения, какого был сам. Житие говорит: «Жил в городе Патаре некий муж, знатный и богатый. Придя в крайнюю нищету, он потерял прежнее значение, ибо жизнь века сего непостоянна. Сей человек имел трех дочерей, которые были очень красивы собою. Когда же он лишился всего необходимого, так что нечего было есть и не во что было одеться, он, ради своей великой нищеты, замыслил отдать своих дочерей на любодеяние и обратить свое жилище в дом блуда, чтобы таким образом добывать себе средства к жизни и приобретать и себе и дочерям одежду и пищу».

Узнав об этом и решив облагодетельствовать человека из своего класса, Николай проявил величайшую деликатность и трогательную заботливость по отношению к разорившемуся богачу. Между прочим по этой причине его благодеяние и должно было остаться тайным: «Он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богатым, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он знал, как тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто от богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о прежнем благоденствии. Он взял большой мешок золота, пришел в полночь к дому мужа того, и, бросив этот мешок в окно, сам поспешил возвратиться домой».

А „муж ей“ после этого выдал замуж старшую дочь, дав ей в приданое чудесно дарованное ему золото. Значит, раньше он хотел продавать своих дочерей молодым и старым мужчинам, а теперь сам купил для своей дочери молодого мужчину.

Житие рассказывает дальше: „Святой Николай, узнав о том, что муж ей поступил по его желанию, возлюбил его и решил сотворить такую же милость и второй дочери, намереваясь законным браком оградить и ее от греха“.

Таким образом одного большого мешка золота „мужу сему“ было мало. Пристроив старшую дочь, он все еще помышляет отдать вторую и третью дочь на любование и обратить свое жилище в „дом блуда“. И такого-то человека возлюбил Николай.

Как бы то ни было, святой Николай, приготовив другой мешок золота, такой же, как и первый, ночью, тайно от всех, через то же окно бросил его в дом мужа. „Встав по утру, бедняк (т. е. человек, уже получивший один мешок золота) опять нашел у себя золото... Помолившись Господу и возблагодарив его благослыню, муж тот отпраздновал брак своей второй дочери“.

Чудесным образом получать большие мешки с золотом вошло у „бедняка“ в привычку. „Уповая на Бога, отец питал несомненную надежду, что он и третьей дочери подает законного супруга, снова даровав тайно благодетельствующею рукою *нужное для сего золото*“. Ясно, что золото требовалось только для того, чтобы выдать и третью дочь *за богатого и знатного человека*, каким был отец. Вообще же, как красивая девушка, она могла бы легко найти себе жениха.

И на этот раз отец не обманулся в своих ожиданиях. „Христов угодник Николай пришел и в третий раз и, остановившись на обычном месте, бросил в то же окно такой же мешок золота“. Разница только в том, что на этот раз отец нагнал Николая и узнал, кто был его благодетелем.

Есть ли в этой истории что-нибудь умиленное для крестьянина, для рабочего? Сердце Николая раздиралось от жалости к эксплуататору, к паразиту, к рабовладельцу, который, может быть, промотав свое имущество и привыкнув богато одеваться и вкусно есть, готов был превратить своих дочерей в проститутку, чтобы продолжать прежнее сытое, роскошное и бездельное существование.

Николай был слеп к страданиям угнетенных, рабов, которые должны были служить прихотям своих господ. Он не видал бедности, которую самый жестокий голод и самая безграничная зависимость постоянно толкали на проституцию. Три мешка золота отнес он „мужу сему“, — и ни одной монеты не осталось у него для рабов, кровью, потом и слезами которых существовали „мужики“.

Тот Николай, каким изображает его житие, в настоящее время проливал бы горькие слезы над страданиями паразитов и эксплуататоров, капиталистов и помещиков, таскал бы большие

мешки золота в лапери самых лютых врагов рабоче-крестьянской России и таким образом содействовал бы восстановлению строя, который тысячи и сотни тысяч рабочих и крестьян осуждал на проституцию.

7

IV.

Следом затем житие рассказывает о путешествии Николая в Палестину и упоминает о чудесах, совершенных им во время путешествия: об укрощении бури, воскрешении рабавше ося корабельника, об исцелении «многих больных и бесноватых». В Палестине, когда Николай «ночью хотел войти в сытую церковь на молитву, замкнутые церковные двери отверзались сами собою, открывая невозбренный вход тому, для кого были отперты и небесные врата».

На обратном пути из Палестины Николай опять укротил бурю и затем прибыл в город Миры, где в то время как раз скончался епископ. Собрались все епископы Ликии, чтобы избрать преемника, но «среди избирающих было большое несогласие». После молитвы старейший из епископов рассказал, что «пред ним явился светозарный муж и повелел ему ночью отпереться к дверям церковным и наблюдать, кто прежде всех войдет в церковь». «Сей, — сказал он, — есть мой избранник; примите его с честью и поставьте в архиепископы; *яма мужу сему Николай»*.

Таким образом из уст старейшего епископа остальные с самого пачала узнали, что епископом должен был Николай. И, разумеется, оказалось, что первым пришел в церковь именно будущий святитель Николай.

Из истории известно, какая жестокая борьба развертывалась каждый раз при смене епископа и какие средства пускались в ход для того, чтобы избрание постепенно заменить назначением. По писанию конечно, выходит, что Николая назначил не «старейший из епископов», а сам бог.

Как полагается, Николай долго отказывался от избрания и согласился только потому, что вспомнил о видении, бывшем ему ночью: «перед ним стоит спаситель во всей своей славе и подает ему евангелие, украшенное золотом и жемчугом. По другую сторону себя Николай увидал пресвятую богородицу, возлагающую на его рамена святительский омофор».

Здесь уже появляется та троица, о которой упоминалось выше: Иисус, богородица и Николай угодник.

Сделавшись епископом, Николай «не скрывал уже, как прежде, своего добродетельного жития»... По принятии им архиепископского сана жизнь его стала открыта для всех, — конечно, как уверяют жития, «не по тщеславию перед людьми, но ради их пользы и умножения славы Божией». Иначе епископы не пользовались бы таким влиянием, что они могли по своим сновидениям назначать даже новых епископов.

В то время шла последняя борьба христианства за господ-

ствующее положение в Римской империи. И в то же время шла борьба между несколькими полководцами, желавшими захватить императорскую корону. Временно победили Диоклетиан и Максимиан. Началось гонение на христианство. И Николай был заключен в тюрьму. Один из полководцев, стремившихся к короне, Константин, сообразил, что христиане составляют уже большинство в его войсках. Он предоставил им завести собственные знамена, — крест, — и вообще покровительственно относился к христианам. С их помощью он победил своих соперников. Начались расправы с язычниками, ставшими на сторону этих соперников.

„В то время еще много оставалось эллинских (греческих) капищ, к которым нечестивые люди привлекаемы были дьявольским внушением, и многие из жителей Мир пребывали в погибели“. Конечно, язычники таким же образом смотрели на христианские храмы и на христианских богов. Христианство они считали изуверской религией и были уверены, что христиане приносят человеческие жертвы, едят тело и пьют кровь своего бога, — т. е. едят тело и пьют кровь людей, приносимых в жертву этому богу.

„Архидией бога выпяного, одушевленный ревностью Божией, прошел по всем этим местам, разоряя и обращая в прах идольские капища и очищая свое стадо от скверны дьявольской. Так, ратоборствуя с духами злобы, святой Николай пришел в храм Артемиды, который был очень велик и богато украшен, представляя собой принятое для бесов жилище. Святой Николай разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника Божия, испускали скорбные вопли, но, побежденные молитвенным оружием непобедимого воина Христова, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища“.

И много же было в старину черт-выцны. И много же веры было у старинных христиан. Они веровали в существование не только своих, но и языческих богов, хотя и признавали их бесами, или злыми богами.

Еще не успело христианство окончательно разделаться с язычеством, как началась борьба среди самого христианства. В этой борьбе, как и в борьбе с языческими богами, Николай сражался не только словами, но и руками. Известен рассказ о том, как на соборе святых отцов в Никее он дал пощечину Арию, одному из этих отцов.

За рукоприкладство Николая хотели лишить епископского звания. Спасло его уже знакомое нам видение, явившееся некоторым из святых отцов: „с одной стороны святителя стоит сам Христос Господь с Евангелием, а с другой — пречистая дева богородица с омофором, и подают святителю знаки его сана“. Нечего и говорить, что эту троицу видели сторонники Николая, а не сторонники Ария. Но этого было достаточно для того, чтобы единомышленники оставили его в епископах.

В Римской империи, в особенности в восточной ее части, где был епископом Николай, разрывалась самая ожесточенная борьба. Полководцы свергали и убивали императоров и сами делали императорами. Одна шайка алчных правителей свержала другую, становилась на ее место и беспощадно расправлялась с побежденными. Церковь, одинаково признававшаяся всеми борющимися, была влиятельной силой, в особенности благодаря покровительству, которое оказывал ей Константин. С ней нельзя было спорить. Если она Константина возвела на престол, то ей было очень легко отправить в тюрьму того или иного мелкого правителя.

Художник Репин вдохновился рассказом о том, как Николай задержал меч палача, уже занесенного над шеей присужденного к казни. На картине Репина маленький старичек ухватился за самое лезвие меча, сжатого в руках невероятно громадного палача с тупо равнодушным лицом.

Из самого жития следует, что достаточно было бы одного слова Николая, — и казнь все равно была бы отменена. Житие подробно повествует о том, как правитель Евстафий, назначивший казнь, поспешил на место поспешней, когда узнал, что в дело вмешался епископ, и как он трепетал перед Николаем.

Государство трутней — рабовладельцев, Римская империя беспощадно грабила и обирала покоренные ею области. Массы населения стонали под ее игом. Бунты следовали за бунтами, и за восстаниями шли кровавые усмирения. Что тут делал Николай?

„В то время в великой Фригии поднялся мятеж. Узнав о сем, царь Константин послал трех воевод с их войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы Непотриан, Урс и Ерпилион“. То же самое, чем в 1905 году были Ренненкампф, Мин и Меллер-Закомельский, или же чем теперь хотели сделаться Колчак, Юденич и Деникин. Николай «пригласил воевод в город и радушно угостил их». И не только угостил, но и «удостоил благословения», — накануне расправ с подавленным населением Фригии. И потом еще раз „удостоившись его святых молитв и приняв от него благословение на свой путь, воеводы отправились во Фригию, чтобы исполнить данное им царское повеление“. Из жития следует, что благословение Николая пошло на пользу вождям карательной экспедиции, выступившей против крестьян и рабов: «прибыв на место мятежа, воеводы быстро подавили его и, исполнив царское поручение, возвратились с радостью в Византию. Царь и все вельможи воздали им великую хвалу и почести, и они удостоились участия в царском совете».

Происходя из «богатого и знатного рода», Николай и в дальнейшем ничем не обнаружил участия к страданиям угнетенных и беспощадно усмиряемых за всякую попытку сопротивления эксплуататорам. И в дальнейшем он оставался скорее заступником и помощником богатых и знатных.

Житие подробно рассказывает, как против Непотиана, Урса и Ерпилиона началась придворная интрига, и как их противниками удалось достигнуть царского согласия на их смертную казнь. В тюрьме воеводы вспомнили Николая и воссылали ему молитвы. И Николай в ту же ночь явился во сне царю и потребовал освобождения трех воевод: „если ты меня не послушаешь и их не отпустишь, то я воздвигну на тебя мятеж, подобный бывшему во Фригии, и ты погибнешь злою смертью“.

Несчастные, обездоленные, угнетенные—просто «пушечное мясо» для Николая, как мы сказали бы в настоящее время. Они живут только для богатых и знатных. Их бунт требуется Николаю не для того, чтобы облегчить их положение, освободить от цепей римского рабства, а для того, чтобы освободить от тюремных цепей вождей карательной экспедиции, направленной против этих несчастных и обездоленных. Их собственное положение, вся их собственная жизнь не заслуживала никакого внимания в глазах Николая.

Конечно, проснувшись, царь распорядился немедленно освободить воевод, и они, напомнив царю о подавлении фригийского мятежа, обещали и впредь проявлять такое же усердие в исполнении царских велений.

Николай оказывал свое содействие и крупным торговцам: «Однажды в Ликийской стране был великий голод и в городе Мирах ощущался крайний недостаток в пище. Сожалев о несчастных людях, погибающих от голода, архиерей божий явился ночью во сне одному купцу, находившемуся в Италии, который нагружил житом весь свой корабль и намеревался плыть в другую сторону. Дав ему в залог три золотых монеты, святитель повелел ему плыть в Миры и продавать там жито. Проснувшись и найдя в руке золото, купец подчинился велению». И, конечно, не остался в накладе: нигде нельзя выручить таких головокружительных спекулятивных цен за хлеб, как в голодающей стране.

VI.

Мы рассказали по житиям все важнейшие происшествия из жизни Николая. К этому оставалось бы прибавить еще только одно: «укрощение бури»—в этих делах Николай, соласно житию, был особый специалист. Да в конце жития в самых общих выражениях говорится: «Он помогал сущим в бедах, спасал от похищения, избавлял от уз и темницы, обогатил многих бедствующих в убожестве и крайней нищете, подавал голодным пищу» и т. д. Но ведь то же самое принято говорить о всяком скончавшемся церковном сановнике, о всяком епископе, а у Карамзина буквально то же мы найдем почти о всяком великом князе или царе, если только старые летописцы не называли его Святополком Окаянным или какимнибудь Лжедмитрием,—тех принято кастить на все корки. Разница только в том, что царям и князьям не приписывается чудес, как Николаю. Обо всех церковных сановниках было при-

нято говорить, что они «оттирали слезы сырых и несчастных, помогали гоимым, вели жизнь подвижника». То же сказано и о Николае. Но не приведено ни одного происшествия, из которого следовало бы, что Николай действительно помогал наиболее измученным, наиболее несчастным людям своего времени, рабам и крестьянам. Рассказано только, как он обогатил дочерей и разорившегося богача.

Дальше идет рассказ о посмертных «чудесах» Николая. Прежде всего «его» мощи источали благовонное и целебное миро, которым помазывались больные и получали исцеление. По этой причине, к его гробу притекали люди со всех сторон земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были изгоняемы духи лукавые».

Любопытная вещь это «миро». У одних праведников все мощи, а у других только голова источают это «миро». И, хотя это вещество готовится где-нибудь на небе, от него пахнет душистыми маслами, смолами и травами, растущими здесь на земле. Монахи несут заботы о том, чтобы не прекращалось его истечение и чтобы золото всегда приливалось в монастырские кружки и сундуки. Здесь еще более полное надувательство верующих простаков, чем в случаях со всяческими «мощами».

Затем в житиях идет четыре длинных рассказа о чудесах. Все эти рассказы возникли явным образом в поповской среде. В одном из них «патриарх с собором» пьянствуют у богача. Когда они выпили все вино, сосуды, по молитве хозяина Николая, опять наполнились вином, о котором патриарх говорит: «никогда не пивал я такого вина». Словом, это — переделка евангельского сказания «о браке в Кане Галилейской». А главная мысль рассказа заключается в том, что Николай по достоинству равен со Спасом Христом и пресвятой богородицей.

Веселый патриарх этого рассказа, отказавшийся признать за Николаем столь высокое положение, как за Христом и богородицей, попал на корабль и потерпел крушение. Утопая, он рзекнулся. «Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю, как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами: «Афанасий, или тебе в бездне морской понадобилась помощь от меня, происходящего от простых людей».

Происхождение Николая приплетено здесь ни к селу, ни к городу. Житие ясно говорит, что родители его были «люди богатые и знатные», и всю свою жизнь он был связан с такими же богатыми и знатными людьми. А вот тут уже началась подделка его под «простонародье».

Второй рассказ поучительного содержания. Смысл его тот, что следует хорошо праздновать день Николая: яствами, вином и т. д.

Третий наставлятельно указывает, что по меньшей мере треть достояния надо отдавать в церковь, т. е. понам.

Четвертый заканчивается «честным праздником», который устроил митрополит.

И в этих сказаниях Николай приходит на помощь людям зажиточным или даже богатым. Он не с бедными, не с крестьянами, а с богатыми, с веселящимися тунеядцами; он благословляет не кусок черствого хлеба крестьянина, а роскошные трапезы у богатей.

Таков Николай в житиях. Крестьянство переделало его по своему, — а попы оказали покровительство такой переделке, потому что крестьянский Николай лучше привязывает массы к церкви, т. е. к попам, чем мирликийский епископ, каким он представляется в житиях.

2.

Как избежать ада и попасть в рай.

1.

Николай Чудотворец — любимый святой нашей деревни. Для нее он не столько Николай Чудотворец, сколько „Микола милостивый“. Даже в так называемых „Житиях святых“ его жизнеписание совершенно не похоже на жизнь того Николая, который существовал в действительности и о котором сохранились некоторые исторические известия. А деревня дополняет „житие“ Николая своими рассказами, которым она верит и не верит, но которые она во всяком случае охотно слушает.

Уж очень на удачное время пришелся праздник зимнего и вешнего Николы. Как раз около дня зимнего Николы „солнце поворачивает на лето, зима — на мороз“. Начинают прибывать дни. В языческие времена такой перелом отмечался у всех народов религиозными празднествами. Празднества сохранились и по переходе в христианство, — только языческий бог, в честь которого они устраивались, заменился христианским святым, — в данном случае Николаем.

Да и вешний Никола пришелся на удачное время. Именно около вешнего Николы для начинаются некоторые важные полевые работы в средней России.

Южная Русь меньше чтит Николая: вешний Никола приходится там на время, когда пахота и посев уже давно закончены. Николай Мирликийский вырос в высоко-чтимого бога с того времени, как земледельцы славяне, принявшие веру из Греции, переместились из Приднепровья в теперешнюю среднюю Россию. Здесь климат такой, что вешний Никола приходится на дни, когда начинается сев яровых хлебов. Вот тут то он и превратился в крестьянского бога. Одрого зимнего Николы для этого было бы недостаточно.

Много рассказов сложила деревня о своем боге, который неизменно выступает в ней мужичьим защитником и печальником. Вот один из этих рассказов.

В холодную осеннюю ночь постучался к деревенскому богатею мужиченко в насквозь промокшем драном зипунишке. „Пусти ради бога обогреться! Сбилс я с дороги, продрог, из сид выбилс!“ — „Много вас, мантропы, шляется! Проходи, а не то выпущу собак, — узнаешь тогда, как бродяжничать“.

И побрел мужиченко, подошел к самой бедной хате, постучался в окно, и горемыка-мужик пустил путника к себе. Да и не только пустил, но и усадил с собою за ужий. А весь ужин состоял из краяхи хлеба и пустых щей, подправленных ложкою масла, которое блестками плавало на щах. Поел мужиченко и говорит: „Спаси вас, господи! Да пошлет вам бог столько червонцев, сколько блесток на щах“.

На следующее утро поднялись, поели хлебушка, путник помог хозяевам по хозяйству и отправился в дорогу. Хозяйка стала мыть посуду. Смотрит, — та миска, из которой вчера ели щи, почти до краев полна золотом. Побежала к соседям, и в несколько минут вся деревня узнала, что Николай Чудотворец почевал у мужика.

Узнал об этом и богатый и быстро смекнул, что надо делать. Он велел работнику заколоть самую жарную свинью, а жене скорей приниматься за стряпню, сам же побежал в поспех за Николаем. Догнал его за околицей и говорит: „Присти ты меня, Николай Чудотворец, не узнал я тебя. Иди ко мне, — я во как тебя угощу“. Подумал Николай и пошел к богатейу.

Сели за стол. Хозяйка не ударила лицом в грязь; щи были покрыты сплошным жиром, который трудно было размазнуть ложкой. И кончилось дело тем, что богатей за все свое усердие получил только один червонец.

II.

Но так богатей промахнулся на земле. На небесах богатые умеют устраиваться надежней и лучше.

Я до сих пор ясно помню хорошее „поминанье“, которое было у бабушки. Это была маленькая книжечка в коричневом переплете. Сначала шли белые страницы, на которых славянскими буквами были написаны имена поминаемых „за здравие“ и „за упокой“. Я наизус знал все имена. И каждый раз, когда дьякон добирался до них, начинал усердно креститься и отвешивать поклоны, украдкой бросая многозначительные взгляды на окружающих: глядите, мол, я не какой-нибудь, это поминуют „моих“.

Однако наиболее обычным чувством в таких случаях было величайшее негодование на дьякона: он читал из пятого в десятое, присочинял имена от себя, чтобы ни на секунду не прерывать своего бормотанья, читал „за здравие“ имена, которые следовало помянуть за упокой, вообще испытывал долготерпение божие и

и человеческое. Мне становилось обидно. Да и правда, нехорошо это. Вель за здравие поминают затем, чтобы поминаемые дольше прожили. Значит, дякон отнимает годы жизни у моей бабушки и других родственников. А за упокой поминают затем, чтобы покойникам лучше жилось на том свете. А вот этот дякон,— может быть, по зисбе на нас,—ничего не делает для того, чтобы облегчить тот адский огонь, в котором сидят наши усопшие родственники.

Я начинал вспоминать, что этот дякон—величайший пьяница. Я припоминал, что в последний раз, как причт ходил по приходу с крестом и святой водой, его у нас не приняли: не было ден.г. И за это должна расплачиваться вся наша семья: живые умрут раньше, а умершие должны с головой сидеть в адском огне.

Я не сомневался, что дякон, при своем способе поминования, старается наказать нас и наших покойников. „Починанье“, о котором я говорю, было замечательно хорошее поминанье. Там были не только чистые страницы, на которых записывались имена но и назидательные рассказы, и хорошие картинки к этим рассказам.

Большое впечатление произвел на меня один короткий рассказ. Занимал он всего каких-нибудь 7—8 маленьких страничек, напечатанных крупной печатью. Да и из этих страничек рассказом была занята только верхняя половина, а на нижней помещались картинки, которые вразумительно изображали то, о чем рассказывалось наверху.

На первой картинке было нарисовано море огня, из которого едва выдавалась человеческая голова с лицом, искаженным муками и отчаянием. Сквозь языки пламени только кое-где виднелось голое человеческое тело, искривленное судорогами неопикуемых страданий.

На следующей картинке—тот же несчастный грешник, но посаженный в пламя уже только до плеч. Затем он представлен в пламени только до пояса, потом до колен. И, наконец, последняя картинка: грешник совсем вышел из пламени. И, выйдя из пламени, он уже одет. Очевидно, „тело“ его души сделано из такого огнеупорного материала, что, не сгорая, выносило поджаривание, перед которым „адский“ жар доменной печи показался бы освежающей прохладой. А вот „душа“ одет, очевидно, превратилась в пепел, и потому грешник, пока он сидел в огне, был, в чем мать родила.

Итак, душа грешника, одетая в прямую длинную рубаху по пят („гитон“,—мундир, присвоенный званию всех ангелов, всех праведников и самому богу отцу и богу сыну), смиренно сложив на груди руки, грядет из огня, который пылает за ее спиной. И грядет она в предшествии ангела, одетого в такую же рубаху и уназующего ей путь к престолу всевышнего, сидящего над облаками и бросающего лучи, подобно солнцу.

Хорошие это были картинки. А тут еще старший брат захотел усилить их исправительное действие на нашу греховную природу и разрисовал адский огонь пламенеющими красками. Не стану скрывать от читателей: тяжело мне было думать, что мои покойные родственники пребывают хотя бы по колена в геенском огне.

Рассказ о картинках был так же прост и так же прямо бил в цель, как сами картинки. Некто умер. И явился он во сне родственникам в том виде, как изображено на первой картинке, и горько им жаловался на свои мучения. И родственники, когда хоронили его, на третий день по смерти устроили ему поминовение. И через несколько дней опять явился покойник в том состоянии, как представлено на второй картинке, и сетовал, что, освободив от огня его шею, они уже начали забывать о нем. И родственники устроили ему поминовение на девятый день и тем освободили его от огня до пояса. Новый сон и новое поминовение в двадцатый день и, наконец, в сороковой, после чего покойный сделал еще один, уже благодарственный визит своим родственникам, и затем более не являлся.

Читатель поймет теперь, почему я с такой тревогой следил, поминает ли дьякон тех родственников, которые были внесены на чистые стражицы такого хорошего, но и такого устрашающего поминовения.

III.

Страшные для богачей порядки установили апостолы. Большевистские порядки покажутся пустяком по сравнению с ними. Многие богачи, многие спекулянты припрятали теперь большое количество золота и серебра и не особенно тревожатся, что Презвычайная Комиссия доберется до них. Нет у нее того чудесного нюха, какой был у главных должностных лиц первоначальной церкви.

Апостолы действовали бесконечно быстрее и суровее, чем всякие всероссийские и местные чрезвычайные комиссии. Они требовали, чтобы все: и дома, и одежда, и припасы, и деньгишло в „общий котел“, для общего распределения и использования. А когда один спекулянт утаил кое-что для себя, апостолы, правда, не поставили его „к стенке“, но все же он был постигнут немедленной смертной казнью (см. „Деяния апостолов“). То ли гром небесный его разразил, то ли сердце разорвалось от раскаяния и стыда, то ли другое что приключилось, — во всяком случае он упал бездыханный, как только услышал обвинение в спекуляции.

Самые свирепые большевики никогда не говорят о буржуазии так, как отзывался о богачах кроткий Иисус. Вспомните хотя бы притчу о богатом и о бедняке Лазаре. Богатый осужден на страшные муки просто за то, что он богат, бедного ожидает блаженство только за то, что он был на земле беден. Евангелия

прямо говорят, что помещику и буржую так же не пробраться в царство небесное, как верблюду не пройти сквозь игольные уши. Это царство—не для них, а для бедноты.

Но все это существует в евангелиях и „Деяниях апостолов“ единственно для самоуслаждения бедноты, только за тем, чтобы примирить ее с горькою долей, с тем „крестом“, который заставляют ее нести богачи. А сами богатые могут посмеиваться над всеми этими ужасами, если даже они в них верят, а не делают просто вид, будто бы верят.

Во всякой благоустроенной церкви около одного из клиросов стоит низенький столик с натканными в него большими и маленькими металлическими трубочками, в которые вставляются свечки. Это—так называемый „канун“. Купить и поставить свечу на „канун“, это значит принести жертву богу за избавление покойника от мук в адском огне.

На „кануне“ есть буржуа, середняки и пролетарии. Буржуа, это—свечи толщиной с ручищу того купца, за которого они поставлены. А пролетарии, это—копеечные свечки, тонкие, как высохший палец заморенного и зеленого пролетарского ребенка. Такая свечка сгорает в какие-нибудь десять минут,—сгорает, пожалуй, раньше, чем бог успеет заметить ее мерцающий огонек, который совершенно тоится в ярком пламени толстых свечей.

Но и те, за кого поставят копеечную свечу, счастливы по сравнению с безродными бедняками. Кто вспомнит о них? К кому пойдут они из своего адского жительствова, чтобы умолять о поминовении? Или к тому кулаку, который пустил их по миру? Он проснется, пойдет в церковь, купит за свое здравие рублевую просвиру, напишет свое имя на особой записочке, сам передаст ее попу,—ее то уж никак не пропустят,—отслужит заздравный молебен. Все он сделает для себя, а для бедняка не ударит пальцем о палец. Нет, бедняку никак не отвертеться от адского пламени.

Но свечи, хотя бы и полупудовые, это все же мелочь. У богатого и его родственников, оставшихся в живых, есть более действительные средства для того, чтобы добраться до бога. Наследники, благодарные покойнику за оставленные им капиталы и за то, что наконец-то он помер, во многих церквях и монастырях заказывают „сорокоусты“. Поны ежедневно наособицу поминают усопшего, а в девятый, двадцатый и сороковой дни служат по нем не только панихиды, но и „заказные“ обедни. Они так пристают к богу с мольбами, чтобы он взял покойника в свои обители, так много звонят, поют и читают, что с ними ничего не поделаешь: и великого грешника приходится взять в рай, чтобы он не явился во сне своим родственникам и не заставил их вновь завести ту же музыку.

Однако и при жизни богатей умеет подготовить себе хороший уголок в райских селениях. Он не надеется на наследников. Он знает, что жадность их обуяет, и не ждет, что они позаботятся

об его вечном поминовении. Он печется о благолепии храма, жертвует образа и богатые ризы на них, строит приделы и колокольни, покупает большущие колокола. Как начнется трезвон, тут уж все большие и малые боги знают, что колокола вызывают об упокоении души раба божия Дмитрия или Павла. А этот Дмитрий еще при жизни ловил себя на той мысли, что, каковы бы ни были его прегрешения, он уж во всяком случае не засидится в аду. Да еще бы засидеться! Небось прозвонят все уши обитателей райских селений.

Или возьмите какогонибудь царя-кровавицу, в роде Ивана Грозного. Неужели он мог думать, что ад уготован для него? Начать с того, что гробница — в Архангельском соборе, на самом видном месте, так что никакие боги ни на минуту о нем не забудут. А затем вклады на всякое поминовение, неугасимые лампы, колокола, панихиды в день смерти. И если скромных приношений было достаточно для того, чтобы грешника понемногу выпустили из адского пламени, то Иван мог быть уверен, что попы постараются и ни на час не оставят его в царстве дьявола.

Надо говорить прямо. „На том свете“, куда отправляются души покойников, имеются два отделения, которые называются раем и адом. Ад существует для безродных, для бедняков, для несчастных, которых некому и не на что помянуть. Богачи же, если они что-нибудь смекают, отправляются в рай. Впрочем, бывает, что сначала они угодят в ад. Но их пребывание в аду во всяком случае окажется очень коротким, — опять-таки, если они люди не совсем без мозгов в голове.

Очень любят крестьяне утешительные для них рассказы о своем любимом боге Николае. Для них невдомек только одно: богачи и попы смеются над этими рассказами. Пусть беднота утешается своими собственными измышлениями, — так она будет терпеливее. Их толстые свечи, их горластые колокола, их сорбокусты, панихиды и заупокойные обедни показывают, что они лучше разбираются в деле. Они знают, что тот горемыка мужик, который получил от Николая миску червонцев, первым делом велел написать огромный образ Николая чудотворца и заковал его в тяжеленную серебряную ризу с золотым сиянием вокруг головы и попал в рай не за то, что он когда-то приютил чудотворца, а за то, что, сделавшись церковным старостой, всегда прилежал к божьему храму, — всегда подавал серебряный рубль на тарелку и в кружку, ставил толстенные свечи, сам зажигал лампы и умноженно крестился перед ними. А как же там разобраться, что церковные деньги не отделялись у него от своих? Учитывали его прихожане, учитывали, да так, не разобравшись, и выбрали его в старосты еще раз, и еще раз, а потом привыкли и перестали учитывать.

Но, — возразит верующий читатель, — это — поповская, кулацкая и купеческая вера, а не та вера, которой учат отцы церкви. И начнет путать, и понесет околесицу о том, что говорят святые

отцы об ангелах и дьяволах, о душе и теле, о страшном суде, об аде и рае.

Приходится познакомиться с тем, что говорят церковью обо всех этих вещах.

3.

Об аде, рае и об их обитателях.

I.

Я еще теперь хорошо помню, что с адом я познакомился раньше, чем с раем. И помню, что адские муки всегда представлял себе яснее, чем райское блаженство. Полагаю, что и со всеми так было. В нравственно-религиозном воспитании ад и его обитатели — не к ночи будь они помануты, — много важнее, чем рай и божий ангелы.

Развозишься бывало, дашь волю своему языку, а бабушка уже ворчит: „ах ты, озорник этакий! Вот, смотри, повесят тебя в аду за язык на крючок“. А иногда уверяла, что за дерзкое слово придется языком лизать раскаленную сковородку.

Меня не смущало противоречие этих двух способов посмертного воздействия на мою греховную природу. Очевидно, одни будут подвешены за язык, другие станут лизать до-красна раскаленную сковородку. И на картинках, изображающих ад, я сам видал то и другое.

Каково быть повешенным за язык, я представлял себе не особенно ясно. Но одно знал твердо: лизать раскаленную сковородку, — это будет куда похуже, чем вылизывать блюдце после варенья или тарелку после сладкого пирога. Как-то в жестокий мороз старший братишка посоветовал мне лизнуть топор, только что привезенный с улицы. Он уверял, что будет очень сладко. Я лизнул. Не помню теперь, поднал ли я рев от этой сладости. Но еще и теперь чувствую на языке тогдашнее ощущение.

Для меня было ясно, что с раскаленной сковородкой выйдет то же самое, только еще больнее и хуже.

Тогда же бабушка мне говорила, что за хорошее поведение я попаду в рай. Картинки с изображением рая не производили на меня никакого впечатления. На четырехугольном большом ящичке, опрокинутом вверх дном, сидит дед с большой седой бородой, рядом с ним молодой мужчина без всякого выражения на лице, над ними и неинного сзди голубь, а по бокам, сверху и снизу ангелы с перепутанными крыльями и руками и с умиленными лицами, и тут же два ряда мужчин и женщин в длинных рубахах и с почти совершенно одинаковыми лицами. Вот все, что художники умели рассказать на своих картинках о рае.

Бабушка рассказывала, что там постоянно поют райские птицы, цветут душистые цветы, никогда не бывает холода, ни жары,

и очень много винограду и яблок. Это было очень приятно, но как-то слабо затрогивало воображение. Нехорошо попасть в когти и нечестным,—это было ясно, хотя мысль об аде не оказывала продолжительного действия. А вот отношение к раю было почти равнодушным, и мысль о нем вызывала в глубине души некоторую скуку, хотя в этом было боязно признаться. Во сне я, кажется, ни разу не попадал ни в ад, ни в рай. В бабушке сказывалась обычная старческая ворчливость, но не было стремления действительно наугать меня.

Еще я знал от бабушки, что чистые душеньки детей, если только они умерли крещеными, все попадают в рай. Когда я стал побольше, меня удивляло жестоносердие родителей, которые лечат заболевших детишек и, следовательно, отдалают переселение их душ в райские обители. А может быть, и совсем лишают их райского блаженства. Кто знает, не вырастут ли они сорванцами, буйнами, ругателями?

Бабушка много рассказывала мне о дьявольских проделках. Я любил слушать эти рассказы. И в настоящее время нахожу, что они были очень занимательны. Но теперь я знаю, что бабушка их не выдумывала, а взяла из житий святых. Хотя многое и перемешала и перепутала.

II

Первые христиане живее и ярче представляли себе блаженство в райских селениях. Эти селения они помещали на земле, которая со вторым пришествием должна очиститься от греха и превратиться в рай.

Ириней, один из христианских учителей во втором веке, писал: «Придет время, когда будет расти виноград каждый куст из десяти тысяч лоз, каждая лоза с десятью тысячами больших побегов, каждый побег с десятью тысячами ветвей, каждая ветвь с десятью тысячами гроздьев, в каждом из гроздьев по десяти тысяч ягод, и в каждой ягоде сока на двадцать ведер вина. Молодые девушки будут развлекаться в обществе юношей; старцы будут пользоваться такими же правами, и их печали рассеются среди удовольствий».

Преследуемые Римской империей, претерпевая страшные пытки, мучники укрепляли себя не столько мыслями об адских муках за отпадение, сколько мыслями о вечном блаженстве за верность своей вере. Они переносили „временные“ муки, они добровольно отрекались в „этой жизни“ от всех наслаждений, от всяких удобств, чтобы сподобиться за то радостей „будущей“ жизни, которая должна была наступить для них в самом непродолжительном времени,—пожалуй, раньше, чем успеют истлеть их тела.

Несколько раз назначались сроки „конца мира“ и „второго пришествия“, после которого для воскресших праведников начнется новая, блаженная жизнь. Уверенность в близости страшного суда была настолько яркая, что откладывались все попечения о земном.

Предсказания не оправдались. Приходилось все истолковывать по-другому. В то же время среди учителей христианства появилось много людей, знакомых с римскими и греческими писателями. Они отвергали грубые, чувственные представления о рае. Они начали говорить, что райское блаженство в „лицезрении“, в „созерцании“ божества. Или же говорили, что никому, кроме ангелов и особо избранных святых, не дано видеть бога. Блаженство — просто в близости к божеству.

Рай — не продолжение земной жизни, а совершенно новая жизнь. И находится он не на земле, а где-то там, далеко и высоко на небесах.

Но о таком бесцветном и бесплотном рае говорили только ученые люди, сделавшиеся христианами. Для широкой массы верующих рай оставался цветущим садом, переполненным виноградниками и яблонями и звенящим от пения птиц и ангелов. С такими представлениями о рае жили и умирали многие святые, с такими представлениями о нем шли на страдания и казнь многие мученики.

Но в таком рае уже не было привлекательности и заманчивости прежнего рая, от которого ждали самых чувственных наслаждений. Из-за него трудно было бы обрекать себя на жизненные лишения. Поведение спасающихся людей все больше начало определяться мыслью об аде и его страшных жителях. Спасающиеся бежали в пустыни, заключали себя в пещеры, обрекали на пожизненное стояние на каменном столбе («столпники») для того, чтобы избавить себя от адских мучений. У них не было стремления к добру, они были глубоко равнодушны к своим ближним, — они боялись их потому, что „ближние“ несут с собою бесовские искушения. У них в сущности не было ненависти к злу: у них оставался почти только страх перед адом. Работы для ближних они не знали и не признавали. Вся их жизнь, все их помыслы были заняты борьбой с греховностью собственной природы и благочестивыми «упражнениями», задача которых — свое личное спасение.

Запугивая меня раскаленной сковородкой, бабушка применяла воспитательные приемы, давным-давно усвоенные христианством и многими другими религиями.

III.

Но что такое ад? Где он находится, и как о нем узнали?

Около 250 года нашего летоисчисления во время одного из гонений на христиан в Смирне был схвачен христианский пресвитер (священник) Пионий (церковь чтит память этого своего святого 11 марта). От него и других христиан, арестованных вместе с ним, требовали, чтобы они принесли жертвы языческим богам. В ответ на это Пионий обличал пагубные заблуждения язычников и между прочим говорил:

„Вспомните об извержении горы Этны и потоплении острова Сицилии. Если же это кажется вам далеко от вас, то подумайте

о теплых водах, выходящих из земли: почему они нагреваются и бывают горячи? Не от огня ли, приготовленного для грешников внутри земли? Отсюда мы узнаем, что будет суд миру и казнь огнем для грешников от бога" (Миней Четви. Книга 7. М. 1906. Стр. 241—2).

Итак, то, что современные люди считают огнедышащими горами (вулканами), то для святого Пиония представлялось отдушниками в ад. С развитием горного дела люди дознались, отчего происходят землетресения и извержения огнедышащих гор. Они узнали, что внутри земли такой большой жар, что все камни могут расплавиться от него и превратиться в огненную жидкость (в лаву). Они в конце-концов поняли, что раньше и на поверхности земли был такой же жар, и что вся она кипела и клокотала от этого жара. Земля вся насквозь была тогда огненным адом. Но эта теплота с течением времени улетучивалась, и земля стала постепенно покрываться твердой коркой. Только на огромной глубине еще сохранилась жара.

И поняли люди, что водяные источники, бьющие с большой глубины и проходящие через горячие пласты земли, должны кипеть горячим ключом. Признали это и теперешние церковные пастыри. Попы и епископы, монахи и митрополиты сами ездят лечиться на такие источники и не проклинают своих „духовных чад“, когда они отправляются купаться в воде, истекающей из самых «врат ада». Ну, а житие своего святого Пиония рассказывают попрежнему и поддерживают в простаках веру, что их грешные души будут поджариваться на подземном огне.

Не могут же они прямо признать, что их святой Пионий был невежественный человек, и не могут они отказать от запугиваний: кто стал бы без запугиваний доставлять им доходы?

Если бы Пионий попал в некоторые области Кавказа и в особенности в Ваку, он по возвращении рассказал бы, что был в самой передней у Реельзевула („князя бесовского“). А если бы он узнал о существовании острова Исландии, о вулканах Генле и Крабле и о громадных горячих столбах воды, бьющих из земли (Гейзер и другие), он стал бы потом говорить, что там слышно завывание бесов и истязаемых ими грешников и часто можно почувать серный дух, распространяемый дьяволами, вылетающими вместе с огнем.

Во всяком случае ад христиан первых веков помещался под землею. Там на вечном огне грешники вечно горели и не сгорали.

И по евангелиям так выходило. Иисус отправлял грешников „в геену огненную“, „где будет плач и скрежет зубов“:

IV.

Страшно попасть в ад, который через земные отдушники исторгает столбы огня, клубы серного дыма и расплавленный камень. Всю жизнь надо устроить таким образом, чтобы спасти свою душу от вечных мучений.

В житиях святых (книга седьмая, стр. 171) имеется назидательная „повесть о затворнике, которому бог отирал об участя принимающих милостыню“. Она начинается так:

„Некоторый затворник весьма сдвинулся в монастыре своем, так как проводил в юности святую жизнь. Отренившись от всех удовольствий мирских, он заключал себя в тесной келии и служил богу, умерщвляя тело свое постом и всеобщим бдением, молясь владыке всего о себе и о всем мире и упражняясь умом своим в богомыслии. В определенное время он принимал небольшое количество пищи из рук служителя монастырского; а из того, что посылал бог через христиан братии монастырской — золота, серебра, пищи и вина — он ничего никогда не брал себе“.

Но однажды затворник поддался слабости. Пришел в монастырь начальник города и всей братии дал по сребреннику (серебряной монете), а затворнику дал златницу (золотую монету). Уступая настоятельным просьбам и „устыдившись сего честного мужа, старец взял златницу и положил ее себе в карман“.

Вечером сотворив положенные молитвы, затворник лег в своей келье, намереваясь немного уснуть. «И вот ему показалось, что он находится с остальной братией того монастыря на просторном поле; все поле то было наполнено тернием, и некоторый юноша (это был ангел господень) говорил монахам монастыря того: «жните терние».

Подождал этот юноша и к нему (затворнику) и сказал: «подпояшься и жни терние».

«Когда же затворник начал отказываться, ангел сказал: «у тебя не должно быть никаких отговорок, потому что ты вчера нанялся с прочими монахами, взявшими у того христолюбца по сребреннику; ты взял златницу, и потому ты должен трудиться более других, пожиная терние, как принявший большую плату. Терние же, которое ты видишь, это — дела того человека, у которого вы вчера приняли милостыню; так, приступи и жни с прочими».

„Проснувшись и размышляя о виденном, затворник весьма опечалился и тотчас поспедал за человеком, давшим ему милостыню, и упрашивал его взять свою златницу. Христолюбец же тот не хотел брать ее обратно и сказал затворнику: „оставь ее у себя, отче, или отдай ее, кому хочешь“.

„Тогда старец сказал ему: „я не хочу пожинать терния чужих грехов, не будучи в силах избавиться и от своего греховного терния“. Затем он выбросил ту златницу из келии своей и затворил окно“.

Все одинаково назидательно в этом рассказе, насквозь пропитанном торгашеским, даже капиталистическим духом. Подать милостыню, это значит *нанять* принимающего. Принявший должен отработать свою плату, — должен и может загладить часть грехов подающего („сжать терния“ за него): „нанялся — продался“. Чем больше он работает на других, тем меньше работает на себя:

чем больше заглаживает чужих грехов, тем меньше уничтожает своих терний.

Столь же поучительно, что за серебряную монету наймиты сожнут меньше терний, изгладят меньше грехов подающего, чем за золотую монету. Плохо же положение того, кто может подать только медяк, и совсем безнадежно положение не какого-нибудь монаха, а настоящего нищего, который всегда только принимает милостыню и не в состоянии подать даже ломаного гроша. Не миновать ему ада! Рай существует только для богачей.

Не менее назидательно и поведение прославленного затворника. Вся жизнь его—только для себя, для отмаливания своих собственных грехов. Его обуяла такая безграничная жадность и такое безграничное себялюбие, что ничего не остается у него для ближнего. Он охватывается трепетом, когда узнает, что ему придется поработать не только на себя, но и на другого, при том на какого другого: на „христолюбца“, на „честного мужа“!

Словхатившись, что получается очень нехорошо, жития торопятся спасти славу затворника и заканчивают: „Узнав причину неприятия милостыни своей старцем, муж тот стал заботиться об исправлении своей жизни и начал творить многую милостыню нищим и убогим, помня, что, по писанию, милостынею и верою очищаются грехи“.

Отказался работать на «христолюбца» затворник, так христолюбец заставил работать на себя „нищих и убогих“. Не даром он был „начальник города“,—много было у него сребренников и златниц.

И, разумеется, не отказалось работать на него и за него белое и черное духовенство, попы и монахи. Во всяком случае они охотно принимали у него и сребренники и златницы, уверяя, что начисто выполняют за него все тернии.

Очень хорошая повесть перепечатывается в житиях. Всем богатым она указывает способы миновать ада.

V.

Некоторые люди побывали в аду и, возвратившись на землю, рассказывали, что они видели. Таков, напр., Таксиот, о котором рассказывается в мартовской книге „Житий“ (стр. 582—3).

Таксиот жил в Карфагене и был „воин, проводивший жизнь свою в великих грехах“. „Однажды город Карфаген постигла заразная болезнь, от которой умирало много людей; Таксиот пришел в страх, обратился к богу и покаялся в грехах своих. Оставив город, он с женою своею удалился в одно селение, где и пребывал, проводя время в богомыслии.

„Спустя некоторое время, по действию диавола, он внал в грех прелюбодеяния с женой земледельца, жившего с ним в соседстве; но по прошествии нескольких дней по совершении греха того он был ужален змеею и умер“.

В третьем часу дня его похоронили, а в девятом часу услы-

хали из могилы его крик. Могилу разрыли и нашли Таксиота живым. Таксиот плакал и рыдал, но на все расспросы не давал никакого ответа и, наконец, попросил отвести его к епископу. Епископ три дня упрасивал Таксиота рассказать, что он видел там, но только на четвертый день погребенный стал разговаривать.

Сейчас мы не станем рассказывать, как он умирал и как его душа шла по вытарствам: об этом в житиях имеется более подробное повествование, которое мы изложим ниже. Достаточно только сказать, что его погубил последний грех. Ангелы, сопровождавшие его, говорили ему: „все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе бог, так как ты покался в них“. Но злые духи ответили: „когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женою земледельца твоего“.

„Услыхав это, — рассказывал Таксиот, ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому, и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я, будучи веден узкими ходами чрез тесные и срадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых, где во тьме вечной заключены души грешников, где нет жизни людям, а одна вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там всегда раздается отчаянный крик: „горе, горе нам! увы, увы!“ И невозможно передать всех тамошних страданий, нельзя пересказать всех мук и болезней, которые я видел. Стовут из глубины души, и никто о них не милосердствует; плачут, и нет утешающего; молят, и нет внимающего им и избавляющего их. И я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби, местах, и плакал я, и горько рыдал от третьего часа до девятого“.

Очевидно, Таксиот-воин никогда не слышал об огнедышащих горах и горячих источниках. Поэтому, хотя и для него ад находится под землею, однако в его описании ада нет пламени и огня, — и вообще он очень мало расширяет христианские представления об этом учреждении: „адовы темницы“, „вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов“. Обо всем этом давно уже рассказывали не только христиане, но и древние греки. Из-за этого не стоило пускаться в загробное путешествие.

Поучительнее рассказ о том, как Таксиот возвратился на землю.

„Потом, продолжал Таксиот, увидел я малый свет и пришедших туда двух ангелов; я прилежно стал умолять их о том, чтобы они извели меня из того бедственного места для раскаяния пред богом. Ангелы сказали мне: „напрасно ты молишься, — никто не исходит отсюда, пока не настанет время всеобщего воскресения“.

„Но так как я продолжал усиленно просить и умолять их и обещался раскаяться во грехах, то один ангел сказал другому: „порукаешься ли за него в том, что он покается, и притом от всего сердца, как обещается“? Другой сказал: „порукаюсь“. Потом подал ему руку“.

Выходит, что у ангелов совершенно такие же обычаи, как у людей. И выходит, что из адских темниц все же кое-кого выпускают, но только под поручительство ангела: совершенно так же, как у людей некоторых заключенных в тюрьмах выпускают под надежное поручительство. Неизвестно только, кто у кого заимствовал все это: люди ли у ангелов или ангелы у людей.

Ударив по рукам, говорит Таксиот, ангелы „вывели меня оттуда на землю и привели к гробу, где лежало тело мое, и сказали мне: „войди в то, с чем ты разлучился“.

«И вот я увидел, что душа моя светится, как бисер, а мертвое тело — как грязь черно и издает зловоние, и потому я не хотел войти в него. Ангелы сказали мне: „Невозможно тебе покаяться без тела, которым совершал грехи“. Но я умолял их о том, чтобы мне не входить в тело. „Войди, сказали ангелы, а иначе мы опять отведем тебя туда, откуда взяли“.

Угроза подействовала. Тогда я вошел, ожил и начал кричать“. Этот-то крик услышали и раскрыли могилу.

По воскрешении Таксиот прожил сорок дней и очистил себя покаянием. Конечно, за ним после того не осталось никаких долгов, и добыча на этот раз вырвалась от злых духов, хотя и побывал в аду.

VI.

Ровно тысячу лет тому назад в Константинополе неизвестно откуда появился человек, который называл себя Василием. Самые страшные пытки не могли вынудить у него признания, кто он такой и откуда. Он быстро завязал близкие знакомства среди знати и купцов.

В разлагающемся высшем обществе Византии он скоро стяжал славу чудотворца, провидца и высокомудрого человека. Из его жития видно, что он принимал самое прямое участие в дворцовых переворотах, обычных в те времена.

«Его почитали не только миряне, но также многие их духовных: иноки, иерей и священники нередко посещали святого и получали от него помощь душе и телу. Князья же и голыжи призывали его в дома свои, прося посетить недужных и помолиться о них. И когда блаженный приходил куда-нибудь к больным, то сейчас же с молитвою возлагал на них руки и исцелял их: бесов же прогонял единым словом... Он же возвестил царице Елене, супруге царя Константина Багрянородного, что она родит сначала дочь, а потом сына, который, придя в возраст, воцарится, — что и исполнилось». Да и вообще он был очень близок к придворным кругам.

Этот Василий напоминает тех людей, которые в древней России назывались юродивыми и блаженными, — с той вполне разницей, что в его юродстве было очень много напускного и деланного, если только все его юродство не было ловкой подделкой. Поэтому он в несравненно большей мере напоминает людей, кото-

рые при дворе последних Романовых назывались «старцами» и так сильно поспособствовали крушению этой семьи вырождков.

Но старец Василий, о котором мы рассказывали, жил тысячу лет тому назад. Не было тогда силы, которая задержала бы полное разложение греческого общества, и не было силы, которая революционным способом устранила бы паразитов, виновных в его разложении. Поэтому, едва Василий скончался, как церковь поспешила причислить его к лику своих праведников. И основанием для того послужили рассказы о его удивительном даре прозрения и о многих совершенных им исцелениях и чудесах: путешествии по морю на дельфинах, изгнании безов. Но главным основанием для прославления „преподобного Василия Нового“, — так называют его церковь (память этого бга приходится на 26 март), — послужило следующее:

«После того было видение одному благочестивому мужу, жившему в Царьграде. Он увидел дом великий и прекрасный, у которого врата были украшены золотом и драгоценными камнями, а над ними находилась надпись, гласившая: «обитель и вечный покой блаженного Василия Нового». Прочитав эту надпись, муж тот стал удивляться красоте здания. Тогда из него вышел прекрасный юноша и сказал благочестивому цареградину (т. е. жителю Константинополя, «Царьграда»): „Чему ты так удивляешься? Вот ты увидишь нечто еще более дивное“.

«С этими словами он отверз врата здания, и глазам удивленного мужа предстали палаты весьма высокие и прекрасные, красота коих превосходит все, что только можно вообразить. В одной из палат он увидел преподобного Василия, сидящего среди великой славы на царском престоле и окруженного многими светлыми мужами и юношами. Видны были там и сады прекрасные, преисполненные всем, что только может радовать и веселить сердце человеческое. При этом был слышен глас, исходящий изнутри: «такое воздаяние приемлют по преставлении все возлюбившие бога и усердно послужившие ему».

«Сие видение муж тот поведал многим», и дело было кончено: „все слышавшие прославляли бога, почитая память угодника божия преподобного отца нашего Василия Нового“.

Так просто в старые времена возводились в чин святых.

Кому то приснилось, что Василий обитает и вечно покоится в „палатах, весьма высоких и прекрасных“, сидит на царском престоле „среди великой славы, окруженный многими светлыми мужами и юношами“, — значит он святой. И „Жития“ до сих пор посвящают его жизни более полусотни страниц! И много, неисчислимо много таких же святых найдется в этих житиях.

Житие Василия Нового не особенно щедро в описании рая. Рай Василия Нового, это — тот же дворец, с роскошными садами, престолом и окружающими его придворными. Скучное воображение „благочестивого мужа“ даже придворную обстановку изобразило очень плохо. „Прекрасный юноша“, это — все, что осталось от

семи чинов ангельских, составляющих в других „видениях“ великие полчища.

Но мы не ради рая, а ради ада, и не столько ради ангелов, сколько ради бесов, остановились на житии Василия Нового. Из него поны до сих пор черпают свои знания о том, как умирает человек, и что делается с ним по смерти, и этими знаниями кормят и обрабатывают верующую простоту.

VII.

Заведя знакомство с константинопольской знатью, Василий поселился у „благочестивого и боголюбивого гражданина Константина, прозванного Варваром“. Константин обставил келью для блаженного „подобно тому, как это сделала некогда совамятинка для пророка Елисея“, „затем поручил некоей добродетельной старице Феодоре, давно овдовевшей и много лет проводившей жизнь в богоугодном целомудрии, прислуживать человеку божью. Блаженная старица, живя в горнице, находившейся недалеко от кельи преподобного, усердно прислуживала ему, как ангелу божью. Если кто-нибудь приходил, желая видеть святого Василия и беседовать с ним, Феодора извещала о нем преподобного, а тот приходил из своей кельи в ее горницу и здесь принимал приходившего“.

Значит, еще при жизни старец Василий был возведен старцей Феодорой в святые и почитался за *ангела божия*.

Среди близких к Василию людей был «один мирянин, по имени Григорий, который сделался учеником святого и очевидцем многих чудес его, и который впоследствии написал пространное житие его». «От скончавшихся родителей своих он получил в наследство дом в Константинополе и много имений». Имения были, несомненно, очень доходные: Григорий «со всяким благолепием» украшал излюбленную им церковь Стефана.

Этот самый Григорий вставил в написанное им житие огромный рассказ о бывшем ему «сонном видении», и из этого сна святая церковь знает большую часть того, что, по ее уверениям, она знает об участи, ожидающей ее праведников и ее грешников перед гробом и за гробом. Один из высших сановников русской церкви лет сорок тому назад написал большую книгу: «Слово о смерти». И главный материал этой книги—рассказ Григория вставленный в его описание жизни Василия Нового.

Истинный христианин не может не верить этому рассказу: он дан в житии чтимого святого, и это житие вместе с рассказом о посмертных приключениях и похождениях человека до сих пор перепечатывалось во всех пространных синодских изданиях житий святых. В больших поминаньях для назидания верующих нередко перепечатываются многие сведения из того же рассказа. И у благочестивых старушек до сих пор мороз пробегает по морщинистой коже, когда они слышат о страшных испытаниях, которые им предстоит пережить в самом непродолжительном времени. Ибо

этих испытаний не избежит ни одна душа человеческая. Избегут, впрочем, нехристианские души. Но и тем от этого не будет слаще.

Дело началось так: Блаженная старица Феодора, прислуживавшая преподобному старцу Василию, «приняв иноческий чин, преставилась ко господу... Григорий возымел сильное желание узнать, где находится по представлении своем Феодора, на десной или на левой стороне, с праведниками или с грешниками, и сподобилась ли она получить от бога милость или какуюнибудь отраду за свою усердную службу старцу. Помышляя об этом, он часто молил преподобного Василия, прося его поведать о душе почившей Феодоры, ибо Григорий веровал, что святому угоднику божью открыто все о почившей. Досаждаемый частыми просьбами, святой старец, не желая отказом опечалить своего духовного сына, помолился господу, прося его открыть Григорию в видении о том, что стало с душою Феодоры по представлении ее.

„В следовавшую затем ночь Григорий в своем видении сподобился увидеть блаженную Феодору в светлой обители, которая была уготована богом преподобному Василию. В сей-то обители, небесною славою озаренной и неизреченных благ исполненной, блаженная Феодора, молитвами угодника божия, и была водворена. Таким образом, кому она усердно и трудолюбиво служила в сем мире, в обители того сподобилась пребывать в жизни вечной, по его святым молитвам“.

Ангелы по своему значению разделяются на чины; чины существуют и между праведными. Василий получил в раю собственные чертоги, — собственный дворец с подобающим штатом придворных. А вот Феодоре, которая при жизни прислуживала Василию, отведено какое-то помещение в покоях Василия. И, кто знает, не придется ли ей и там прислуживать Василию, как ангелу божью? Точно так же Василий по смерти восседает „среди великой славы на царском престоле“, — а вокруг него то-ли просто сидят, то-ли стоят для его услаждения „многие светлые мужи и юноши“. Уйдя из земного общества с его царскими престолами и с чинами, душа человеческая в раю опять встречается с ними. Но кто у кого все это заимствовал? Рай у людей или люди урая?

Но здесь является вопрос, как же Григорий узнал Феодору, или, вернее, ее душу? На земле он знал древнюю старуху. Какой стала ее душа по переселении в рай?

И так называемые священные писания, и жития святых отвечают на него так же, как отвечают народные представления и представления всех культурных, полукультурных и диких народов. Душа имеет совершенно такой же вид, какой перед смертью имело тело. Если у скончавшегося была длинная седая борода, как у библейского пророка Самуила, то и его дух, вызванный живыми, напр., аэндорской волшебницей по просьбе Саула, предстанет перед ним в таком же виде. Если у покойника был большой красный рубец на лице, с таким рубцом его душа перейдет и в царство

небееное. Если человек умер младенцем, младенцем выглядит и его душа,—неизвестно только, младенческое ли у нее разумение.

Хуже только с одеждой. Древние видели души скончавшихся как раз в тех облачениях, в каких ходили тогда сами. В старой Руси несколько князей церковь признала святыми. И эти царственные праведники ходили по смерти в том самом мундире, который по их должности был им присвоен здесь, на земле.

Но вот современных, теперешних костюмов на том свете не признают. Даже на адские муки теперешние грешники отправляются не в пиджаках, сюртуках, бальных платьях, сапогах, башмаках и т. д., а в однообразном одеянии, которое, как в приютах, почти для всех одно и то же: длинная прямая рубаша и сандалии. Впрочем, попам, монахам и митрополитам, повидимому, и там разрешается носить не казенную, а собственную одежду,—такую, какую на земле они носили по своему сану.

Во всяком случае, фигура и лицо у души совершенно такие же, как у тела. Душа, это — точный портрет тела.

Так оно рисуется между прочим и на картинах, изображающих смерть богородицы. Тело лежит мертвое на смертном одре, окруженное апостолами и знакомыми с одинаковым благочестивым выражением на лице. А сзади возносится на небо ее сын, у которого на руках маленькая кукла, как две капли воды похожая на скончавшуюся. Это — не кукла, а душа скончавшейся.

Таким образом, встретившись с Феодорой, Григорий легко мог узнать ее и, узнав, возрадовался и, конечно, поспешил расспросить, как она разлучилась от тела, как претерпела смертные страдания, что видела по своей кончине и как миновала она воздушных духов, т. е. бесов, заведующих мытарствами. Мы скоро узнаем, что это за учреждение — мытарства. А теперь просто отметим, что, значит, Григорий уже раньше знал и о воздушных духах, и о мытарствах, и в своем сне просто получил подтверждение того, во что он верил раньше. Только во сне все это вышло страшнее и ярче.

Ответом на вопросы Григорья послужил длинный рассказ Феодоры, который мог бы послужить украшением какого-нибудь сборника святочных рассказов с духами и приведениями. К сожалению, нам приходится сильно сократить его.

VIII.

Но прежде всего — несколько пояснений к дальнейшему. Негры представляют богов чернокожими, а дьяволы у них иногда бывали и белыми. В особенности часто так бывает после того, как неграм придется испытать на себе всю зверскую беспощадность и бесчеловечную алчность европейских купцов, солдат и чиновников.

Для христиан-европейцев естественный цвет дьявола — беспримесно черный. Нечистый насквозь прокоптился в аду. В ребячестве я чаще всего представлял себе дьявола в образе трубо-

чиста, и всякий трубочист казался мне если и не самим дьяволом, то по крайней мере его племянником. Дьявол для европейцев всегда смахивает на негра или «эфиопа». А боги, главные и второстепенные, белые и светлые.

И еще одно пояснение. Книг и тетрадей тогда не было. Писали на пергаменте — особым образом выделанной телячьей коже, — позже явилась бумага. Листы не свивали в тетрадь или книгу, а скрепляли в длинную полосу, которую закручивали, свивали, в валик, *в свиток, хартию*; купцы и ростовщики вели свои торговые записи на таких же свитках. Так было у людей. Мы сейчас увидим, что обитатели ада и рая в искусстве записей тоже не пошли дальше.

Итак Феодора рассказывает:

«Когда я приблизилась к концу жизни моей и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов, стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как вид огненной гесны. И начали они производить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли, как волки; при этом все они с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии, как бы в ожидании судьи некоего, имеющего притти туда, и развертывали свитки, на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертью, более тяжкою и лютою. Я старалась отворачивать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, не слышать голоса их, но никак не могла избавиться от них, — ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне».

Но вдруг Феодора увидела двух светозарных ангелов божьих, — очевидно, однако против такой нечистой силы было бы мало. «Лица их были светлее солнца» (но ведь в таком случае их нельзя видеть!), «очи ласково взирали на меня, волосы на головах были белы, как снег, вокруг голов разливалось златовидное сияние, одежда у них блистала как молиния и была на груди крестообразно опоясана золотыми поясами», — все, как полагается по иконным изображениям.

«И вот один светопосный юноша гневно сказал им (эфи пам), «о, бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда поспешаете преждевременно к умирающим и своим бесстыдным шумом устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но теперь прекратите свою радость, так как здесь вы не приобретете ничего, так как с нею божие милосердие».

Эфиопы заволновались «и пачали с криками показывать написания злых дел моих, соделанных с юности».

«Так говоря, они стояли в ожидании смерти».

А смерть по церковным воззрениям, выраженным в житиях, это — особое божество, на ряду с многочисленными добрыми и злыми богами, признаваемыми церковью. И изображается она с знаками своей власти, как изображаются боги язычников.

«И вот пришла смерть, рыкая как лев; вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собою она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и иные орудия неизвестные»...

«Тотчас же смерть приступила ко мне и, взяв секиру, отсекла сперва ноги мои, потом руки, затем при посредстве другого орудия все остальные части моего тела разрушила и члены от суставов отделила. И не имела я ни рук, ни ног, и все тело мое омертвело. Смерть же взяла и отсекла голову мою, так что я не могла повернуть головою и она была мне чужою».

И жалкая же, несчастная это саботантка, христианская богиня смерти! Она копается над человеческим телом, как средневековый палач, подвергающий преступника четвертованию. Да и куда годится она со своими средневековыми орудиями: мечами, стрелами, косами и т. д.? Что может поделаться она на современной войне, когда от крупного снаряда *весь* человек исчезает бесследно буквально в один миг! или при взрыве какогонибудь броненосца, когда *в миг же* разрываются, сгорают и без следа разносятся в разные стороны сотни людей? Ей остается только еще шире разинуть от изумления свой костлявый рот и еще шире раскрыть свои глазные впадины под пустым лбом. Нет, для нашего времени такая богиня смерти никуда не годится!

Повозившись над телом старицы Феодоры и отрубив у ней голову, смерть все еще не окончила своего дела. «После всего смерть сделала раствор в чаше и, преподнеся его к моим устам, напоила меня». Старая Феодора, верно, начинала заговариваться на земле, заговорила и ее душа в райских селениях. Если голова была отрублена, как же смерть сумела напоить раствором все тело? Но Феодора рассказывает: «И столь горек был раствор тот, что душа моя, не имея сил стерпеть горечи, содрогнулась и вышла из тела, как бы насильно оторванная от него. Святые ангелы тотчас же приняли ее на руки свои. Взглянув назад, я увидела тело мое, лежащее бездушным, бесчувственным и недвижимым. Соединяя его, как солекают одежду, я смотрела на него с безмерным удивлением».

Итак, хотя смерть четвертовала Феодору: отрубила ей ноги, руки и голову, душа держалась так крепко, что ее пришлось выкуривать горелью. И тело после всех пыток осталось целехонько. Душа же вышла из него, как рука из перчатки.

В таких представлениях о душе нет ничего христианского. Так же представляли ее себе древние греки и римляне, так представляют ее дикие и полудикие народы.

IX.

Итак, ангелы взяли исторгнутую из тела душу. «В это время бесы, явившиеся в образе эфионов, продолжает Феодора, обступили ангелов, державших меня, и начали вопить, показывая написания грехов моих: «множество грехов имеет душа эта, — поэтому пусть даст она ответ пред нами».

Но здесь пришли на выручку ангелы и начали вспоминать все добрые дела Феодоры. Между прочим «они припоминали, когда я с усердием приходила в церковь и с умилением и сердечным сокрушением молилась там, слушая со вниманием пение и чтение церковных молитв и песнопений, когда приносила в церковь фимиам и свечи или иное какое-нибудь приношение, или вливала деревянное масло в лампы и с благоговением тобызала самые честные иконы».

Благочестивому христианскому рассказчику невдомек, что такое же значение имеют для язычников жертвы, приносимые ими своим богам, и лобызание собственных идолов. И языческие священники убеждают своих верующих, что необходимо зажигать огонь перед идолами и приносить всякие дары в храмы. Значит, и языческие, и христианские боги одинаково любят смотреть на огоньки, и их одинаково подкупают, ставя перед ними свечи, подливая масла в лампы, разводя костры. Но удивителен этот всемогущий христианский бог, которому, как и языческим, приходится ждать огня и других жертв от людей!

Бесконечно тоскливо было бы перечислять все «добрые дела», которые припоминали за Феодорой ее судебные защитники. Должно быть, это — совершенно бездельные, праздные существа, не пригодные ни к чему путному и серьезному. Они дошли до того, что «приводили на память, когда я воздержанно проводила время и когда по средам и пятницам и во все святые посты постилась, и сколько творила поклонов и простаивала ночных бдений». Все это и все другие малейшие добрые дела мои святые ангелы собирали, готовясь положить их на весы против моих влук дол. Эфионы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня из рук ангельских и низвести на самое дно ада».

Уже здесь началось то-ли судебное состязание, то-ли лавочный торг между ангелами и бесами. — упоминается уже о весах, как во взаправской лавочке.

«Но в это время неожиданно явился там преподобный Василий и сказал святым ангелам: «Властелины мои, сия душа много послужила мне, угождая моей старости: я молил я богу о даровании мне ее, и господь ниспослал мне сию душу», — для услужения Василию!»

„Снизил это, он вынул из-под одежды своей мешок, чем-то наполненный (думаю, что в нем было одно чистое золото), и дал его святым ангелам, сказав при этом: «Когда вы будете проходить воздушные мытарства и лукавые духи начнут истязать душу мою, вы искупите ее этим от долгов ее. Благодатию божиею, я богат и много собрал сокровищ трудами и потом своим,—и вот я дарю мешок душе сей, послужившей мне».

А и мало же своего, самостоятельного в этом загробном мире по сравнению с земным миром! Византия, в которой жил Василий Новый, была насквозь пропитана крупно-торгашеским духом. Через нее шла в то время вся торговля с Востоком (Малой Азией, Аравией, Закавказьем, Индией), который по своему экономическому развитию был тогда много выше Европы. Здесь развертывали свои операции крупнейшие купцы и крупнейшие ростовщики, банкиры своего времени. Золото было предметом самых пламенных вожделений. На золото расценивались все человеческие отношения,—и воинская доблесть, и честь, и грехи, и святые дела.

И вот мы видим, что в загробном мире грехи и святые дела тоже расцениваются на золото и выражаются на ростовщическом языке. Своей святой жизнью Василий достиг „богатства“—собрал „сокровища трудами и потом своим“, как говорили о себе купец или ростовщик, пускающий в оборот свои капиталы. И он прошел с земли с мешком, в котором, надо полагать, „было одно чистое золото“. И этим-то золотом он хочет выкупить из долгового рабства у бесов душу несчастной Феодоры. Словом, на каждом шагу в загробной жизни торгашеский язык и торгашеские понятия.

Дальше—тоже самое. Нам уже много раз встречалось слово „мытарства“, и много раз мы слышали упоминание о „шестивии души по мытарствам“. Что это такое?

Жития и на этот счет не оставляют нас в неизвестности. „Мытарства, пишут они,—нечто в роде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного судьи. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в представлении им на вид противоположного этому греху доброго дела. Названия «мытарства» и «мытари» заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они обыкновенно брали на откуп собрание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможах, или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами».

„Мытарь“, „мытарства“, „мытницы“, это—переводы на старейший русский язык. Таможенная пошлина называлась у нас „мытом“ или „мытным“. О старинных „мытницах“ до сих пор напо-

минает селение Мытищи, верстах в двадцати от Москвы, и так называемый Мытный двор и Мытный переулок в московском Китай-городе.

Еще в первой половине пятого века, т. е. полторы тысячи лет тому назад, душа превратилась для христианской церкви в товар, а ее загробная дорога — в торговый путь, прегражденный многочисленными заставами. Превращение это совершилось прежде всего в Александрии, городе, лежащем при впадении Нила в Средиземное море, одном из наиболее выдающихся центров мировой торговли того времени, — как Константинополь сделался центром мировой торговли десятого века.

Полны трудов и великих опасностей были пути мировой торговли того времени. На море и на суше суда и караваны подстерегались сухопутными разбойниками и пиратами. И этими разбойниками и пиратами были не какие-нибудь люди, гонимые законом и государством, а сами государи и князья.

На сухопутных дорогах государи, рыцари и князья узаконили свои грабежи. При вступлении товаров в их владения они брали таможенные пошлины разных наименований и под разными предлогами: за охрану, которой в действительности не давалось, за поправку дорог и мостов, которых никто не устраивал и не поправлял, за беспокойство, за поправу растительности, просто за прикосновение к своей земле и т. д. Государства были крохотные. Бывало, что на протяжении какой-нибудь сотни верст приходилось несколько раз останавливаться перед заставами и уплачивать таможенные поборы в пользу князя и в пользу самих сборщиков. А дорожные разбойники в свою очередь устраивали заставы, — сегодня здесь, завтра в другом месте, и вчера внезапно выскочивали из перелеска, а сегодня из овсага.

Многотруден и полон опасностей был путь товара, сделавшегося предметом мировой торговли. Кирилл, епископ Александрийский в пятом веке, Григорий, друг Василия Нового, человек, далеко не чуждый мировой торговле того времени, не нашли ничего более страшного для души человеческой, как представить ее товаром, совершающим свой загробный путь от одной таможенной заставы к другой.

И тяжело же приходилось купцам того времени от мытарей, — таможенных чиновников и откупщиков таможенных сборов. Не даром к ним приравняли бисов, преграждающих душе человеческой путь к раю, к тому месту, где товар, душа человеческая, получит ту цену, из-за которой она пускается в путь, полный непредвиденных случайностей и опасностей.

Ну, а купцы, препровождающие этот товар в страну, где он будет окончательно пристроен, это, конечно, ангелы, сопутствующие душе человеческой в ее загробном странствовании. Они станут доказывать, что все сборы уплачены еще в той стране, из которой вышел товар. На случай же, если их доводы не подействуют,

они запаслись мешком с золотом, чтобы добиться от беспощадных таможенных стражей пропуска своего товара, души человеческой.

X.

Возвратимся же к душе человеческой, которая трепетно ждет начала своего путешествия.

Итак, Василий принес мешок со своим золотом и ушел. „Лукавые же бесы, видя это пришли в недоумение, а затем, огласив воздух плачем, скрылись“.

Между тем угодник божий Василий снова пришел и принес с собою много сосудов чистого едея и мира многоценного; отыскивая сосуды один за другим, он возливал едей и миро на меня, так что я исполнилась духовного благоухания и вместе с тем изменилась и стала светлым существом*.

Словом, приняты все возможные меры для того, чтобы показать товар лицом. Но удивительное дело: и в загробном мире миро оказывается *многоценным*. Неизвестно только, откуда знает это душа Феодора. Вернее всего, миро было такое, какое она видала и на земле. Но плохо же в таком случае поставлено парфюмерное производство святых, если они не додумались до чего-либо лучшего, чем имеется у людей. И, дальше, неужели и там кто-нибудь торгует такими вещами, как на земле торгуют поны? А ведь только в этом случае оно и имело бы какую-нибудь цену и могло бы быть „многоценным“. Либо миро не похоже ни на что земное. Как же может знать тогда Феодора, что за него платят высокую цену? Не лучше ли представить себе, что в раю текут целые реки из миро и что оно так же не имеет никакой цены, как наша простая вода в наших обыкновенных реках?

Но Феодора все прикидывает на золото. И, прикидывая на золото по-земному, она тем не менее «стала светлым существом».

Василий обратился к ангелам с последнею просьбой: «владыки мои, после того, как совершите все необходимое для души сей, введите ее в уготованную мне от господа обитель, и пусть она пребывает там».

Значит, те палаты, в которых по смерти Василия некий благочестивый муж увидал его восседающим на престоле, были построены в раю очень заблаговременно: Василий пришел к готовой квартире. И обо всем этом: и о свидании с душой Феодоры, и о видении благочестивого мужа, поведало нам одно и то же лицо, — Григорий, ученик и друг Василия. И оно же, рассказав Василию о всем сие, сообщило ему, что райский дворец для него закончен постройкой.

Наконец, Феодора с ангелами двинулась в путь.

«Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи первого мытарства, на котором судят за грехи языка, за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные

мною от юности, — все, что я говорила неразумного и еверного, особенно же кощунственные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это бывает у многих. Предстали предо мною там все мирские бесстыдные песни, которые я пела когда-то, все бесчисленные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась грешным беседам. Вила все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо; — и я удивлялась, как они ничего не забыли; ибо много лет прошло с тех пор, как все эти грехи были содеяны мною, и я давно забыла о них. Они же приводили все слова мои, как будто они были только что произнесены мною, все подробно и до тонкостей припоминая, как оно и было в действительности».

Удивительно праздный и бездельный народ эти бесы. В Советской России их уже давно отправили бы на рубку дров или на расчистку железных дорог.

Но и то сказать: добрые спутники Феодоры несколько не деловитее. Феодора рассказывает: «когда я со стыдом молчала, в то же время трепеща от страха, святые ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей». Мы уже видели, как пусты, ничтожны, каким себялюбием были проникнуты эти добрые дела: отбила столько то поклонов, вливала деревянное масло в лампы, добывала иконы и т. д. И ангелы, состязаясь с бесами в праздности, ведут всему этому аккуратный бухгалтерский учет.

Уже здесь сопоставление дебета и кредита повернулось не в пользу Феодоры. «Так как святые ангелы не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили из того, что было даровано преподобным отцом моим Василием». Значит, на первой же заставе пришлось уплатить таможенную пошлину.

То же повторилось и на следующих мытарствах. На мытарстве чревоугодия «злые духи тотчас же выбежали нам навстречу, радуясь, как будто приобрели что-либо... При этом одни из них держали блюда и сковороды с явствами, другие же — чаши и кружки с питьем, и я увидела, что пища та и питье были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям». «Святые ангелы, взяв не мало от дарованного преподобным Василием, положили за меня выкуп».

«Поднимаясь со мною выше, ангелы стали там беседовать друг с другом: «поистине великую помощь имеет душа от угольника божия Василия: если бы его труды и молитвы не помогали ей, великую нужду претерпевала бы она, переходя через воздушные пространства».

Где ссылаясь на плату, внесенную самой Феодорой, а где уплачивая золотом из мешка, оставленного Василием, душа попала, наконец, в селения райские. Феодора рассказывает Григорию:

«видела я там обители апостольские, пророческие, мученические, преподобнические и другие, особые для каждого чина святых. Каждая обитель была неизреченной красоты, широтою и длиною равнялась, сказала бы я, Царьграду (Константинополю), но при этом отличалась несравненно большею красотою, имея много светлых палат нерукотворных».

Для Феодоры—или для Григория—Константинополь был, действительно, «всем городам царь»,—и по величине, и по роскоши. Поэтому их рай, очевидно, очень сильно смахивает на богатейшие части Константинополя. Оба они—горожане, и в их представлениях ничего не осталось от того прекрасного сада на Востоке, каким был библейский рай.

Показав Феодоре место мучений и райские обители, ангелы водворили ее в палатах, предназначенных для Василия. И Феодора поняла, что «пришла в это место упокоения в сороковой день по разлучении от тела».

Сонное видение Григория в точности подтвердило все, что черновъ втолковывает о загробных скитаниях души человеческой. Если бы оно хотя в чем-нибудь расходилось с учением церкви, его не внесли бы в жития святых, и оно не было бы признано достоверным свидетельством о загробной жизни.

XI.

Ангелы—боги: они знают все хорошее, что содеял человек в своей жизни, хотя бы это хорошее было таким пустым, ничтожным и мелким, как «добрые дела» Феодоры. У ангелов есть не что от того всеведения, которое христиане приписывают своему главному богу.

Но бесы—тоже боги. Они «подробно и до тонкостей» знают все злые дела человека, подбираемые ими с усердием досужих бездельников. При том бесы каждой заставы, едва лишь к ней подойдет душа человеческая в своих сорокадневных блужданиях, уже вычитывают все дела, совершенные новым пришельцем.

Однако на поверку оказывается, что это—не божественное всеведение, а хорошо поставленное человеческое торговое счетоводство. Ум Григория, а за ним и ум церкви, решает, что у ангелов и бесов хорошо налаженная бухгалтерия с целыми полчищами ечетчиков и писцов: своего рода огромная торговая контора с бесчисленным множеством торговых агентов, по пятам следующих за каждой штукой товара.

Ангелы рассказали Феодоре, Феодора, приславшаяся Григорию,—ему, а Григорий всей церкви, как устроен весь механизм учета грехов и святых дел.

«Всякий христианин от святого крещения приемлет от бога данного ему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, днем и ночью наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за

них человек мог получить от бога милость и вечное воздаяние в небесном царствии. Точно так же и князь тьмы, желающий привлечь человеческий род к своей гибели, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, постоянно следуя за человеком, следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и *записывает* все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, сей лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми. И вот, когда душа какого-либо человека разлучится от тела и станет отходить к создателю своему, в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее... Если в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где по попущению божью и мучают ее, пока та душа (не) воспримет искупление от мук их по молитвам церкви и чрез милостыню, творимую в память ее ближними ее».

Таким образом душа попадает в долговую тюрьму. Но положение ее не безнадежное: из этой тюрьмы ее могут выкупить родственники, если будут делать вклады на вечное поминовение и творить всческую милостыню, в особенности попам и монахам.

* * *

На этом можно закончить. Таким-то неумными и в конце концов скучными рассказами переполнены жития святых, т. е. второстепенных и третьестепенных христианских богов. И все эти сны, и сонные видения и нелепые чудеса должны служить подтверждением столь же неумных писаний так называемых отцов церкви, которые с глубокомысленным видом невежественных людей преподносят большие выдумки о том, о чем они ничего не знают.

Теперешние попы начинают понимать, что все это слишком глупо даже для некоторых из богомольных старух. Они конфузливо предлагают показать эту чепуху «не в грубом, чувственном смысле, а, насколько это возможно для нас, в самом духовном». Они не говорят, да и не могут сказать, что это значит. И, хотя требуют понимания «в духовном смысле», однако приносят богам особые жертвы за покойников в третий, в девятый, в двадцатый и сороковой день, — и получают за принесение этих жертв самые «грубые, чувственные» блага: и золото, и серебро, и хлеб, и яйца, и масло.

В те далекие от нас времена, когда жили христианские святые и возникали христианские сказания, люди были другие, жили в других условиях, более похожих на захолустно-деревенские, и думали совсем по другому, не так, как теперь. Научного познания природы, окружавшей их, и общества, в котором они жили, у них не было. Им казалось, что весь мир густо населен ангелами и дьяволами, — дьяволами много больше, чем ангелами. Всякое

самое ничтожное происшествие объяснилось вмешательством дьявола,—как и теперь еще для дряхлого деревенского старика многое объясняется проделками домового. Еще теперь наша деревня, а в особенности такие полудикарские народы, как самоеды и лопари, чукчи и камчадалы, страшатся людей, которых они считают заклинателями, шаманами, колдунами; точно так же в старые времена верили, что некоторые люди вступают в договор с бесами и делаются ведьмами, знахарями, волшебниками, одержимыми бесовской силой,—а другие получают откровение от добрых богов. Да и сами святые и колдуны верили в свою святость и в свою бесовскую власть.

Церковь,—попы, монахи, епископы, патриархи,—рассказывая о чудесах и видениях, была тогда так простодушна, что и сама верила в свои сказания. Она некоторое время и сама обманывала себя так же, как обманывала других.

В настоящее время ко всему почти каждый поп и монах относится так же, как к рассказам о домовых: пусть, мол, невежественная масса верить таким сказкам.

Но так они думают только про себя. А в церквах и душе-спасительных разговорах со своими духовными овцами они всеми силами поддерживают веру во всякую чертовщину. И в их молитвах—каждое десятое слово о дьяволе и нечистом.

Да и не могут они по-другому. Вся их жизнь, все их доходы—только от того, что они своими сказками запугивают простаков. Всей своей бездельной жизнью, всеми своими доходами они обязаны дьяволу и страху перед дьяволом и его подземным царством. Без дьявола не было бы попов, монахов, митрополитов, не было бы всей церкви.

4.

О бесах и бесовских искушениях.

I.

Участь всех язычников, магометан и вообще нехристиан—глубоко печальная. Христианская душа, освободившись от тела, после тяжестных испытаний, после многотрудного шествия от одной бесовско-таможенной заставы к другой, все же может войти в селение райские. И если даже на одной из таможен торжествующие бесы сволонут ее в ад, для нее далеко не все потеряно. Явившись во сне оставшимся в живых родственникам, она может рассказать им о своих страданиях, и они, удвоив и утроив свои милостыни попам, заказав сорокоусты, отслужив десятки панихид, сделав вылады на вечное поминовение, могут выкупить душу от дьяволов.

И ничего-то этого нет перед незерными. Душа Феодоры говорит Григорью: „сим путем (путем мытарств) восходят и такие

изъязания принимают только те, кто просвещены верою и святым крещением. Невсвщенные же язычники, сарацины и все вообще иноверцы этим путем не идут. Еще будучи живы телом, они душою уже мертвы, погребены во аде; потому, когда они умирают, то бесы тотчас же, без великого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада.

Переходя в царство бесов, души не-христиан переходят в царство своих богов. Только немногие христиане первых веков, — да, впрочем, даже и очень поздних веков, — решительно заявляли, что языческие боги сделаны из камня и дерева, что они не живы, что они — творение рук человеческих. И в доказательство этого они разбивали перед негодующими язычниками статуи их богов. Станным образом по писаниям выходит так, будто никому из не-христиан не приходило в голову повторить тот же опыт с изображениями, которым поклоняются христиане.

Да чего тут! Кто же не знает, что, когда французы занимали Москву, они очень нескотчительно обходились с нашими иконами, и всемогущие православные боги были неспособны защитить себя от оскорблений. Или возьмем татарское нашествие на древнюю Русь, когда, как говорят летописцы, храмы превращались в конюшни. И больше того: десятка полтора два лет тому назад некий ловкий вор похитил Казанскую икону богородицы, считавшуюся чудотворной, снял с нее все драгоценные украшения и, чтобы скрыть все концы, расколол икону на мелкие дощечки и сжег. И, всегда чудотворная, икона оказалась на этот раз простою доской.

Мне совестно в этом признаться, но я все же признаюсь, что еще в ребяческом возрасте, когда мне было не более десяти лет, я, оставшись один, учинил детское издевательство над святою иконою. Надо мною не разразился гром с небес, и разрисованная доска так же не шевельнулась, как если бы это была самая простая картинка. После этого опыта я покончил со всяким идолопоклонством, а вскоре и со всякою верою в бога и всемогущу, бесов и ангелов.

Однако некоторые жития признают, что изваяния богов — просто их изображения, а не сами боги. Дария, обращаемая в христианство только что обращенным Хрисанфом, будущая христианская мученица, а в то время еще жрица при храме Афины, говорит Хрисанфу: «Если бы *невещественный народ* мог почитать богов без изваянных кумиров, то не следовало бы их изваявать и поставлять. Отливаются же они из золота, серебра и меди и делаются из мрамора и дерева, чтобы люди, видя их очами, знали, кого им надо предстать в уме, почитать и бояться».

Это — буквально то же самое, что говорят и твердые христианские попы об иконах, которым они поклоняются. Но делают попы все же не то, что они говорят. Некоторые доски с нарисованными на них изображениями признаются «чудотворными иконами». Это значит, что на них не просто изображены боги, но и сами они обладают особой чудесной силой, какой нет в

других деревянных досках с совершенно такими же изображениями. И христиане верят, что эти доски способны изгонять нечистую силу из одержимых бесами и, если принести им надлежащие жертвы, то они могут содействовать исполнению всяких желаний. Это—как раз те воззрения на своих богов, которые христиане обыкновенно приписывают язычникам.

Жрица храма Афины, позднейшая христианская мученица Дария, говорит Хрисанфу: «изваянных идолов почитают люди простые, невежды, мы же почитаем те самые вещи, изображения которых поставлены».

Наши попы и монахи тоже должны были бы признать, что иконам молятся, а некоторые из них почитают даже „чудотворными“, „люди простые, невежды“. Для просвещенных христиан нет нужды ни в каких иконах.

Но они не захотят и не могут в этом признаться: тогда исчезли бы все их доходы, которые они получают около своих идолов, именуемых Иверской, Казанской и т. д., и около капищ, и храмов построенных в честь этих идолов.

Нелегко им отречься и от тех идолов, которые они называют мощами.

Мощи для них—вовсе не нетленное тело. Святými мощами они признают всякий скелет, даже всякую косточку, всякий осколок ребра, всякий зуб, если по их уверениям это—остатки человека, которого они объявили святым, и если эта косточка, по их словам, способна творить чудеса.

Как бы ни изворачивались попы и монахи, а все же выходит, что они заставляют поклоняться ребру, зубу и т. д., и что эти ребра, зубы, ногти и волосы обладают божественной силой. Чтят как святого, как бога, преподобного Сергия,—но святыней почитают и прах, который выдают за его мощи.

В конце-концов надо прямо сказать, что лишь немногие и из первоначальных христиан смотрели на языческих идолов так, как смотрела на них Дария. Христиане не отрицали, что кроме изображений языческих богов существуют и самые боги. И не отрицали они, что эти боги обладают большой силой. Они говорили только, что сила языческих богов—дьявольская, так как и сами они—бесы, взбунтовавшиеся против бога ангелы, и еще говорили, что эта сила много меньше силы христианского бога.

Жизнь Георгия Победоносца (Егория) прямо начинается следующими словами:

«Недостойный правитель Римского царства, нечестивый Диоклетиан, был ярым последователем и покровителем идолслужения. Выше всех богов чтит он Аполлона, слывшего за прорицателя будущего. Ибо бес, обитавший в его бездушном идоле, пророчествовал о будущем, но предсказания эти никогда не сбывались».

«Однажды Диоклетиан возросил Аполлона о некоей вещи. Бес же ответил ему: «Не могу истинно провещать будущее, ибо

мне препятствуют люди праведные, почему и лгут в капищах волшебные треножники: праведники уничтожают нашу силу».

В этом же житии имеется настоящая сцена для электро-театра; она служит особому прославлению христианского бога. Георгия, уже претерпевшего великие пытки за верность христианству, привели в храм, где все было приготовлено для языческого жертвоприношения. „Святой подошел к идолу Аполлона, простер к нему руку и спросил его безумного, как бы живого: «Ты ли хочешь принять от меня жертву, как бог?»».

„При этих словах святой сотворил крестное знамение, бес же, обитавший в идоле, воскликнул: „я не бог, не бог и никто из подобных мне. Един бог тот, кого ты исповедуешь. Мы же стеснители из ангелов, служивших ему; мы, одержимые завистью, прельщаем людей“.

«Святой тогда сказал бесу: „Как же вы смеее обитать здесь, когда сюда пришел я, слугитель истинного бога?»».

„При сих словах святого *поднялся шум и плач, исходившие от идолов*. Затем они пали на землю и сокрушились“.

Непостижимым образом это яркое засвидетельствование истинной веры не произвело должного впечатления на язычников. Тотчас жрецы и многие из народа, как неистовые, яростно устремились на святого, стали его бить и вязать и зывали к царю „Убей сего волхва, о царь, убей его прежде, чем он погубит нас“.

Значит, для Георгия „языческие боги—бесы, а их жрецы—волшебники, колдуны, волхвы. Напротив для язычников бог Георгий—действительно существующая сила, только злая, а сам Георгий—куда ник. Каждая сторона не отрицает богов другой стороны, но каждая сторона признает только своих богов истинными и добрыми богами, а богов противника—злыми богами, дьяволами.

Такие же примеры я уже приводил и из так называемого ветхого и нового завета (ср. *И. Степанов*, «Религия и духовенство». Глава четвертая. Книгоиздательство «Коммунист»).

Только что рассказанное происшествие, как уверяет житие Георгия, случилось в Риме, в присутствии самого императора, в начале четвертого века нашего летоисчисления, и взволновало весь город. И, однако, римские писатели, от которых мы знаем о многих мелких событиях, ни словом не упоминают о полном разгроме их храма, произведенном чудесной силой Георгия. Но такова уж общая судьба всех христианских сказаний: чудеса, о которых они поведают, существуют только для повествователей, для верующих христиан. Не принадлежащие к христианской церкви обыкновенно не замечают этих чудес, хотя бы это были такие необыкновенные и страшные происшествия, как, напр., уничтожение огромным эсемом отряда в триста войнов, высланных для поимки святой (житие преподобномученицы Евдокии. „Жития“, книга седьмая стр. 3).

Языческие боги оставались бесами для христиан и триста лет тому назад. Так в житии Диодора (или Демьяна) Юрьегорско-

го (первое дополнение и житиям. Стр. 432) рассказывается о препятствиях, которые чинились бесами при постройке церкви на Юрьевой горе: „В прежнее время здесь было языческое кладбище, ложным богам приносились жертвы, и место это было нечисто. Когда начали строить храм, гора тряслась, слышны были в ней крики. Плотники испугались и хотели оставить работу. Тогда святой совершил на горе молебное пение, окропил место святою водою, и бесы с шумом и криком бежали в Юрьевое озеро, а потом исчезли в лесу“.

Очень близкий к этому рассказ имеется в житии Николая Мирликийского (см. выше, стр. 19—20).

Стефан Пермский, вводящий христианство «среди пермян», главным образом зырян (четырнадцатый век), говорил обращаемым, что „единный христианский бог лучше многих языческих, потому что они—не боги, но бесы, сверженные с неба в бездну и прельщающие безумных людей в бездушных идолах. Они не только не помогают людям, но, напротив, вредят и всегда стремятся делать злое; будучи злыми, немилосердными, гневными, полными ярости, завистливыми ненавистниками, они готовы были бы тотчас истребить род человеческий, если бы их не связывала и не удерживала сила божия („Жития“, апрель, стр. 441).

Иногда даже высокие сановники христианской церкви не без некоторой тревоги шли на борьбу с бесами, каковыми для них являлись языческие боги. Так, в житии александрийского епископа Кирилла, жившего в пятом веке („Жития“, книга десятая. Стр. 156—7), рассказывается, что близ Александрии находилось место Мафунин, в котором было капище, т. е. языческий храм или часовня, «служившее обиталищем демонов». «Место это внушало всем ужас, и еще патриарх Феофил хотел очистить его от бесов и освятить для славословия божия. Но отвлекаемый другими заботами, он не успел привести своего намерения в исполнение. Святой Кирилл, восприяв после Феофила александрийскую кафедру, решил исполнить желание своего дяди и предшественника и усердно молился богу, да подаст он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мафувина нечистых духов».

Любопытно, что Кирилл, подобно Николаю Мирликийскому, получил епископское место тоже от дядюшки.

Но для борьбы с языческими богами собственных сил Кирилла было недостаточно. Кириллу „явился в видении ангел господень, повелевая ему перенести в Мафунин честные мощи мучеников Кира и Иоанна, чтобы прогнать оттуда силу бесовскую“. Кирилл принес в Мафунин мощи святых и устроил там во имя их церковь. „Нечистые духи немедленно были изгнаны оттуда, и место то стало источником исцелений от мощей мучеников“.

Таким образом, языческие боги были вытеснены из этого места христианскими богами, и место, некогда священное для язычников, сохранило свою святость и для христиан. Это—обычное явление при смене религий: религиозные центры остаются

прежние, они по-прежнему столицы богов, — но низвергнутые боги об'являются злыми, дьяволами, ложными богами, а их торжествующие победители — д'брыми, истинными богами.

Таким образом христианство не отрицает существования языческих богов, изображаемых идолами. Борьба против язычества является для него борьбой христианских богов против бесов, дьяволов, демонов.

II.

Гонимые и посрамляемые христианскими праведниками бесы, разумеется, всеми силами стараются мстить им и наводить их самих и их паству на путь погибели.

Можно было бы написать огромную книгу — или даже несколько больших книг — об искушениях, которыми во время своей земной жизни подвергались крупные и мелкие боги христианской церкви, именуемые святыми. Но при кажущемся разнообразии все сказания об искушениях очень однообразны.

Праведник, озабоченно и даже трусливо оберегая свою праведность, которая является проходным свидетельством в рай, бежит от общества, от «мира», — иногда после того, как он присытился богатством, роскошью и пороками упадочных, разлагающихся слоев этого общества. И вот бес приходит к нему и рисует картины жизни этого общества, одну другой ярче, одну другой соблазнительнее. И чем отчаяннее старается праведник заглушить воспоминания о покинутой им жизни, тем соблазнительнее картины, которые рисует перед ним память о прошлом. Все это, конечно, делает дьявол, который хочет подчинить своей власти уже почти окончательно спасшуюся христианскую душу.

Золото как предмет, на которое можно купить все наслаждения, часто предлагается бесами в неограниченном количестве. Но большинство праведников достаточно быстро и успешно справляется с этим соблазном.

Мысль о яствах и питиях тоже часто тревожит людей, вся пища которых состоит из небольшого куса черствого хлеба, да и то не каждый день, и из дико растущих растений. Но на этом дьяволам не удавалось удочить ни одного праведника, — вероятно, потому, что жития рассказывают только о спасшихся, о праведниках, и ничего не говорят о соvrащенных бесами.

Обольстительная женщина — вот где истинная опасность для умерщвляющих свою плоть. Современный человек положительно не может представить себе, как можно было ухлопывать столько сил на подавление естественной потребности. Изменить своей природе праведники не в состоянии, и потому эта потребность снова и снова зач'вляла о себе: в знойных свидениях, в бреду наяву, в постоянных помышлениях об одном и том же, — о соблазнительной женщине, о сотнях и тысячах соблазнительных женщин и о сладости греха с ними. Спасаящийся старается не говорить с женщинами, отворачивает от них свои взоры. От них он больше,

чем от какого-либо другого соблазна, бежит в пустыню, становится отшельником (анахоретом), пещерником, столпником.

Но можно уйти от живой женщины, — нельзя уйти от женщин грез, сновидений, больного, лихорадочно распаленного бреда. Эти женщины идут за спасающимся в его уединение. Это значит, что бесы преследуют, искушают его, делают на него повторные приступы.

Почти спасшийся человек, с отчаянием видя, что достигнутый рай уходит от него, с удвоенной силой начинает смирять дьявола, — изнурять свое греховное тело. Он ничего не ест и не пьет многими сутками, боится заснуть, потому что во сне он совершенно беспомощен перед бесовскими кознями, день и ночь проводит в коленопреклоненной молитве. надевает на себя тяжелые железные цепи, усталый, на минуту ложится на голый камень и камень же кладет вместо изголовья. Все тщетно! Чем больше слабеет тело, тем неудержимее, необузданнее работает воображение, тем меньше сил справиться с ним. Близится торжество дьявола!

Жития повествуют о тех праведниках, которым в конце-концов удалось спастись от соблазнов. Но они, понятно, ни словом не упоминают о тех тысячах спасаемых, которые „пали“ в непосильной для них борьбе с дьяволом. Да, впрочем, быт монастырей и жизнь высшего духовенства достаточно красноречиво говорят о том, что „власть дьявола“ часто не встречает никакого сопротивления. Ей охотно подчиняются, ее жаждут. Не бес ищет монаха, а сам монах идет к бесу.

Святых женщин вообще много меньше, чем святых мужчин, — иначе оно и быть не могло при том приниженном положении, какое женщина занимала в обществе. Женщины дали очень много мучениц, — сравнительно с общим числом праведниц много больше, чем мужчины. Напротив, отшельниц среди них очень мало. Да и отшельничество их имело иногда особенный характер. Так, все житие преподобной Домнины (11-го марта), рассказывает так: „Преподобная дева Домнина подвизалась в Сирии. Живя в палатке, ею самою устроенной, в саду при доме ее матери, она непрестанно источала слезы, питалась только чечевицею, омоченною водой, и каждое утро и вечер ходила в храм божий для молитвы, покрытая с головы до колен покрывалом, чтобы никто не видел ее лица. Она скончалась в мире между 450 и 460 годами“. Чернила у писцов-дьяволов, верно, плохие, и записи грехов были смыты потоками слез слезоточивой Домнины.

Соблазнительные помыслы семнадцать лет мучили Марию Египетскую (1 го апреля) после того, как она удалилась в пустыню от своей жизни иступленной блудницы (проститутки). Она говорит о „соблазне“, о „смущавших ее желаниях“, о „блудных вожделениях“, но не приписывает их бесам. Во всяком случае этот пример отшельничества и пустынножительства, обычный для святых мужчин, остается довольно исключительный для спасшихся женщин. Спасшиеся женщины вообще не страдали в такой мере от

грез о соблазнительных мужчинах, как мужчины от дьяволов, представавших перед их глазами в образе обольстительных женщин. А впрочем могло быть и так, что они больше стыдились об этом рассказывать. Напротив, спасшиеся мужчины оставили такие жгучие рассказы об испытанных ими соблазнах, которые дышат явным сладострастием, обузданным лишь внешне и наполовину.

Две главных полосы искушений приходится переживать спасающимся мужчинам. Первый натиск на праведника бесы делают в его молодые годы, когда он только что определился от мира и, быть может, от разгульной жизни, — в особенности если он происходит из высших слоев общества. Здесь воспоминания и привычки покинутого быта еще так живучи и сильны. Посрамленный в многолетней борьбе, дьявол на продолжительное время оставляет спасающегося в покое. Затем в дряхнувшем или совсем одряхлевшем отшельнике, — обыкновенно уже стяжавшем широкую славу и привлекомм многочисленных поклонников и учеников, — вновь загораются предсмертною всышкой, казалось, совершенно улегшиеся помыслы, страсти и вожделения. Это дьявол делает последнюю атаку, чтобы овладеть такой заманчивой добычей: особенно досадить богу, вырвать из его рук уже совсем спастуюся человеческую душу, уменьшить воинство божие и увеличить свое собственное. Конечно, жития в общем рассказывают о случаях когда дело заканчивается посрамлением дьявола. Но, как мы увидим потом, в редких случаях они приводят и другие примеры.

III.

Очень легко бы раскрыть то, что на военном языке называется диспозицией, размещением бесовских войск, и основные направления их наступления. Путаться с обыкновенными людьми, с мирянами, бесам несколько не интересно. Громадному большинству мирян и так суждено сделаться „жратвою ада“, они все равно, без каких бы то ни было усилий и соблазнов со стороны дьявола, не минуют его коварных сетей, — они, сами того не замечая, постоянно барахтаются в этих сетях.

С белым духовенством они тоже не особенно связываются: не стоит марать руки. Сребролюбие, чревоугодие, пьянство, зависть, жадность и т. д., — надо ли бесу добавлять что-нибудь к этим свойствам, которыми по народным воззрениям и без того отличается эта среда.

С обыкновенными монахами дело тоже не хитрое. Сюда можно отправить каких-нибудь мелких дьяволят. Этого будет достаточно. Они шути, легко справятся со своим поручением и, пройдя здесь первоначальную выучку, подготовятся к более серьезным делам.

Архимандриты, епископы, архиереи, митрополиты, — здесь дело уже куда интереснее. Это, ведь, офицеры, генералы и главные командующие Христова воинства. И великое злорадетво нечистому доставляет, когда здесь окажутся многочисленные перебожчики.

Поэтому бесы особенно усердно осаждают святителей церкви. Иногда миряне замечают, что здесь что-то неладно: бесы, особенно в образе прелестниц, кишат здесь целыми стаями.

Еще больше бесов в таких монастырях, как напр., древний Киево Печерский или Афонский куда шли люди, которые хотели сделаться духовными подвижниками. Для нечистого очень легко вырвать их из под божьей власти и подчинить своей собственной. В самих монастырях, в самых кельях бесов так много, что некоторые спасающиеся — и впоследствии спасшиеся — чувствовали, что они ползают по ним, как «маленькие человечки», как клопы или блохи. Да пожалуй, «собенн» на Афоне бесы действительно нередко принимают вид клопов, блох и вшей: не могут же настоящие животные так быстро плодиться. И здесь же в этих монастырях и кельях, происходят постоянные отчаянные сражения между доблестными христовыми воинами и полчищами дьяволов, которые то являются с мешками золота, то с самыми соблазнительными яствами, то предстают во образе обнаженных прелестниц и схватывают изнемогающих от борьбы мучеников в свои пламенные объятия. И много доблестных всиннов пало в жестокой борьбе; — но из многих сотен тысяч, старавшихся спастись таким способом, несколько десятков все таки попали в святцы.

Однако главные силы бесовского воинства направлены в те самые пустыни, куда уходят спасающиеся отшельники. Около всякого пещерника, анахорета, столпника всегда кружат несметные рой бесов, во главе которых стоят их офицеры и генералы а часто и сам геелзевул, князь и главнокомандующий бесовский. Вдумавшись в жития таких подвижников, придется признать, что убегая в пустыни от бесовских соблазнов, пустынники как раз здесь и подвергались главному наиску бесов.

Всю жизнь они жили для себя — и ни для кого больше. И весь подвиг их жизни заключался единственно в том, что они боролись с самими собой — со своими помыслами, желаниями, естественными потребностями.

Однако не у всех подвижников жизнь была в одинаковой мере переюлнена своей собственной личностью, борьбой со своими собственными влечениями, принимавшими для них вид бесовых сил. Так было главным образом в странах, где отшельники могли вести совершенно праздную жизнь, потому что природа — а впоследствии почитатели — без всякого труда с их стороны доставляли им то немногое, что требовалось для их существования. Они могли круглыми сутками стоять на коленях с молитвенно сложенными руками, могли годами скитаться без всякой одежды, могли целиком отдаваться праздной созерцательной жизни, грезам и самолюбванию.

Самолюбование — нередкая вещь среди подвижников. Так, напр., рассказ о Марии Египетской начинается с того, что святой Зосима подумал о себе: «есть ли на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я

еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?". Точно так же про Антония Великого (Египетского) однако из величайших пустынников, рассказывается, что «ему пришло однажды на мысль, что нет еще другого инока, который был бы так совершен, как он, нет никого, кто поселился бы раньше его в пустыне и избрал столь уединенную жизнь» (Житие Павла Фивейского, „Жития, январь, стр. 484). И ни в том, ни в другом случае, несмотря на заповедь христианского смирения, эти помыслы не считаются греховными.

В России от средней Оки и до Белого моря со времени ее колонизации славянами, с тринадцатого до шестнадцатого века, отчасти и позже, было много отшельников, которые сделались потом основателями многочисленных монастырей. Эти отшельники выходили не из бездельных, паразитических слоев, живших нищенством или доходами от тунеядческой эксплуатации рабов, как было на Востоке, Северно русские подвижники, это были или крестьяне, бежавшие от чего угодно, но только не от работы, или выходцы из мелкого дворянства, которое еще было вынуждено налаживать хозяйственную жизнь в своих усадьбах.

Суровая природа, все условия расселения, безлюдность лесных и степных пространств в свою очередь не позволяли отшельникам отдаваться бездельно-сознательной жизни. Им самим приходилось рубить лес, обтесывать бревна, строить избу, заготавливать и носить дрова и воду, корчевать и выжигать пни, сеять и жать: иначе они умерли бы с голода.

Прославившись и сделавшись игуменом братии, подвижник, может быть, еще больше охватывался хозяйственными заботами. Надо было наладить варку соли, гонку смолы и дегтя, установить постоянные связи с купцами, наладить слав товаров. Еще больше хлопот доставляли окружающие крестьяне: они, не страшась дьявола, то производили порубку леса, который монастырь объявил своей собственностью, то захватывали монастырские запашки и вообще всегда опасно смотрели на своих святых соседей. Затем для игумена начинались постоянные хлопоты о получении денег на постройку новой церкви, о даровании монастырю „угодышек" и „людишек" бобылишек", — т. е. о захвате окружающих свободных крестьян вместе с их землями в монастырскую собственность. В то же время монастырь все шире развешивал свои торговые и ростовщические операции.

Игуменам и братии здесь было не до бесов, да дьяволу в такой обстановке видимо чувствовалось не по себе. Когда все помыслы направлялись на такие простые и ясные вещи, как столько-то бочек дегтю, столько-то десятков пудов соли и меда, как наем плотников и каменщиков, наряд крестьян на барщину, по выпение и взыскание оброков, борьба с порубщиками, тяжбы с соседними крестьянами и помещиками, что тут оставалось делать дьяволу, как не поглядывать со стороны и удовлетворенно потирать руки.

Конечно, иногда и в этих монастырях появлялся лукавый и творил свои проделки. Но как изобретателем был он по сравнению со своим восточным братом и как мелки и по-своему исны и просты были его искушения! Налить воды в квас или брагу, заставить мед скиснуться, попортить тесто для хлеба, припрятать или утащить топор,—это собственно не тот страшный надменный и сильный дьявол, который искушал Антония Великого, Иакова Постника и афонских монахов. Это, в сущности, всего лишь наш проказливый и, несмотря на проказы, добродушный домовой. Нередко рассказы о бесах совершенно ясно преследуют вполне определенную цель: запугать разбойников и местных крестьян, отбить у них охоту от покушений на собственность одинокой обители („Жития“. Дополнение. I. Стр. 492 и сл. Житие Нила Столобенского, или Столбенского).

Но напряженная хозяйственная деятельность, развитие монастыря в поместье с кипучим строительством, с широкими торговыми и ростовщическими оборотами создавали основу для превращения монахов в трутней, в сытых бездельников. Проходил десяток-другой лет по смерти основателя,—и монастырь становился крупнейшим ростовщическо-торгово-промышленным предприятием с богатыми и пьяными монахами, с хлебосольным и оборотистым игуменом,—и с немногими подвижниками, главные содержание жизни которых составляет постоянная борьба с бесами, со всех сторон осаждающими монастырь и ютящимися в каждом уголке кельи.

IV.

Беса не даром называют лукавым. Он нередко нападает открыто. Он может принимать на себя вид благочестивого человека и не заметно вовлекать праведника в бездну вечной гибели.

Его ремесло сопряжено со многими опасностями. Он может погубить праведника, но и праведник может причинить ему много неприятностей,—может даже превратить его в своего жалкого слугу и раба. Так расправился с ними, напр., мученик Конон, живший в первом веке. Его житие рассказывает о нем следующее („Жития“, книга седьмая. Стр. 125).

„Пребывая в своем доме в безмолвии, Конон увидал множество бесов, ополчившихся на него. Все бесы, жившие на острове и изгнанные из людей и идольских капищ, вооружились против святого. Увидав бесов, святой именем Иисусовым связал их, так что они не могли двигаться. Тогда бесы стали молить Конона, чтобы он не посылал их в бездну, но пусть поведет их сделать, что ему угодно. Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим вспахивать нивы и сеять на них, иным стеречь плоды, кому части стада и охранять их от зверей, кому колоть дрова и носить воду и исполнять всякую домашнюю работу“.

Значит, *бесы* делали на Конона все, что делали на себя сами северно-русские отшельники. Может быть, в этом сказалось рабовладельческое презрение к труду, как исключительно рабскому делу. И, как бы подтверждая это предположение, житие продолжает: „бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо связанные непобедимо силою божией, они были порабощены божию угоднику“.

Это были не только работники, но и верные сторожевые псы. На Конона напали разбойники, „надеясь найти у него богатую добычу, ибо он был славен во всей той стране“. Связав его, они требовали, чтобы он указал место, где спрятано у него золото, и уже начали пытать его и мучить. Но на выручку святого пришла дьявольская сила. „Вдруг явились служащие святому бесы, схватили разбойников и немилосердно били их“. Привычные воздействовать на грешников адским огнем, они и здесь остались верны себе. Правда, укрощенные праведником, они уже не могли изрыгать пламень прямо из себя: им пришлось обратиться к обыкновенным человеческим приспособлениям. Они „развели огонь в печи стали опалать тела разбойников, а святого освободили из уз“. Но „святой, смилостивившись над разбойниками, запретил бесам, и те прекратили истязания над разбойниками, которые были едва живы“. Значит, милосердный святой не особенно торопился остановить дьявольский самосуд над разбойниками. Настолько не торопился, что только «по молитве святого разбойники пришли в себя». После этого „блаженный отпустил их смирно, дав им заповедь оставить свои разбои“. И мы можем поверить, что они свято исполнили эту заповедь: несомненно, лишь полукалеками и калеками вырвались они из безовских лап.

Усердие бесов простиралось и еще дальше. Они „даже оберегали честь его имени. Ибо, если кто либо из неверующих исаврий (среди которых жил Конон, сам уруженец Исаврии) дерзал хулить Конона, тотчас на таковых невидимо нападали бесы и били, так что имя Конона стало предметом почитания и страха. Однажды двое идолопоклонников вспомнили о Кононе и стали поносить его дурными словами. Тотчас же на них напали бесы, били их, протаскивали по дороге за волосы и повергли хулителей к ногам святого. После того у всех неверующих страх перед Коконом так был силен, что они не дерзали даже помыслить чтонибудь худое про святого Конона.“.

По всей вероятности, особенно хорошо мыслили о нем те два идолопоклонника, которых бесы били и таскали за волосы по дороге.

Обычные представления о бесах таковы, будто они служат только ведьмам и колдунам; в обычных условиях христиане признали бы и самого Конова колдуном. Но в данном случае житие повелевает христианам смотреть на дело совершенно иными глазами.

В житии ни разу не упоминается, чтобы святой по милосердию своему воспретил своим верным бесам кулачные расправы. Напротив, самое их повторение свидетельствует, что они делали именно то, что от них требовалось. Таким же способом бесы охраняли даже яблони праведника. «Однажды какой-то человек проник в сад Конона с намерением украсть яблоки. Но невидимые служанки схватили его, избили и вместе с ослом и мешком, наполненным плодами, привели к святому. Святой дал ему наставление и, заповедав более не красть, отпустил с миром»,—и конечно, с видимыми следами невидимых побоев.

Бесы же по повелению святого невидимо догнали волка, утащившего ребенка, и вырвав последнего из звериной пасти, поставили его перед святым.

Но в конце концов от всей этой чертовщины приключилась великая беда. Конон превратил бесов в своих рабов и пленников, но, к несчастью, далеко не всех бесов. Некоторые из оставшихся вольными „начали наводить на жителей той страны различные болезни, а больше всего оспу“. „Святой, уразумев козни бесовские, помолился богу и тотчас получил власть и над этими бесами. Сбрав их *всех* он запретил им, и одних прогнал в пустыню, других отослал в бездну“ (как известно, павшие ангелы были тоже низвергнуты в „бездну“. Что такое бездна и где она находится, об этом нигде не рассказано). Третьих же бесов Конон связал (верно не веревками, а опять таки словом) и заключил в тридцати залитых оловом горшках и, запечатлев их крестным знаменем, зарыл в землю под своим домом“.

Дело началось хорошо, местность была окончательно очищена от бесов. Но как впоследствии оказалось это было только начало, а не конец.

Неизвестно, сколько лет томились бесы, залитые оловом и запечатанные крестом. Несмотря на всю свою силу, они не могли разбить глиняных горшков,—крест их обессиливал.

Но вот Конон умер, замученный язычниками. Верующие решили обратить дом Конона в церковь. Стали рыть землю для фундамента и нашли в земле тридцать горшков с заточенными в них бесами. Думая, что в них золото или серебро, обрадовались и на свою пагубу разбили один сосуд. „Тотчас вышли из него бесы в виде густого и смрадного дыма и, помрачив воздух, произвели страшный вихрь. Все люди пришли в ужас,—некоторые попадали от страха, а некоторые бежали оттуда. Бесы же летали по воздуху и, производя большой шум, призывали друг друга по именам. Все в том селении пришли в сильный ужас, так что никто не осмеливался после солнечного заката выходить из своего дома, ибо ночью являлись многие бесовские страшилища и пугали людей и животных“.

Житие продолжает, что все это „на время было допущено богом в наказание сребролюбивым людям, ожидавшим найти в сосудах сокровище“. Кончается же рассказ совсем успокоительно:

„по молитвам святого Конона, были прогнаны бесовские приведения. Прочие двадцать девять сосудов, заключавшие в себе бесов, были зарыты под церковью святого Конона“.

Но извольте тут сохранять спокойствие! В настоящее время этой церкви нет и в помине. Вдруг при какихнибудь земных работах, напр., при постройке железной дороги или при разработке рудников, разобьют все двадцать девять глиняных горшков. Дрожь пробегает по телу, как подумаешь, чего могут на творить бесы, обозленные своим почти двухтысячелетним заключением в старой посудине!

И все это рассказано в синодском издании житий святых, отпечатанном не полтысячи лет тому назад, а в 1906 году. (Книга седьмая, стр. 125 и сл.).

V.

Бесы по временам пускают в ход удивительно хитрые способы искушения. Праведник нежится ни душою, ни телом, ни мыслями, ни делом. А бесы подстроит так, что перед всей соблазненной паствой разоблачается,—конечно, мнимая—греховность пастыря.

Так было, например, со святым Василием, епископом рязанским, жившим шестьсот лет тому назад (память его празднуется 12 апреля). Его житие указывает, что о первоначальной полосе его жизни нет никаких известий. Неизвестно о его „пастырских трудах и скорбях“,—но, конечно, надо предполагать, что труды и скорби были: как бы иначе церковь признала его святым? Его житие начинается собственно рассказом об искушении.

Да и после того, как это искушение заставило Василия покинуть Муром, где он первоначально был епископом, и переселиться в Рязань, о жизни Василия ничего неизвестно. Житие просто пишет: «можно думать, что и здесь он претерпел ряд скорбей, лишений и огорчений». Вероятно, это предположение совершенно естественное по отношению ко всякому епископу, и было основанием для того, чтобы признать его святым, а через триста лет по его смерти—отыскать и открыть мощи.

Во всяком случае, жития (Дополнение второе, стр. 570) передают только одно достоверное сообщение о подвигах Василия, и это сообщение—именно рассказ об искушении.

«Враг человеческого спасения, говорится в житии Василия, древний губитель душ христианских начал всячески вредить святому: желая выставить его блудником, диавол принимал вид девицы и являлся в окне святительской келии пред народом, иногда же выходил в таком виде из храмины епископа. И народ и бояре не раз видели это и обвинили праведника в нечистой жизни, потом решили наказать его властью, помимо высшего церковного суда». Значит, церковный суд не внушал им доверья,—они полагали, что, вопреки несомненным обстоятельствам, суд церкви

признает Василия человеком праведной жизни, как впоследствии решение церкви признало его святым.

Итак, „в один день к вечеру собрались они, пришли к храмину (жилищу своего епископа, и вот пред многолюдной толпой девица побежала по ступеням лестницы, ведущей в келью святого Василия, держа сапоги в руках своих“.

На современном греховном языке мирян это называется: «пойман с поличным», „накрыть на месте преступления“, и при том накрыт многочисленными свидетелями: «народом и боярами».

И не только на современном, но и на тогдашнем языке грешных людей это называлось так же. „Возмущенный народ громко закричал: «о епископ! Непозволительно тебе девицу в храмине своей, на ложе своем».

Святой Василий сказал народу: „неповиен я этому блудному делу“. Слыша это, народ еще громче кричал: «длжеш ты, епископ, ибо мы все видели девицу, бежавшую к тебе». Видел праведник мятеж; слышал шум собравшегося народа; до него долетели угрозы: «убьем его за это».

Дело из-за девицы-дьявола принимало самый серьезный оборот. „Тогда епископ обратился к своим обвинителям с мольбою: „дайте мне немного времени—только до третьего часа утра“.

Народ внял мольбам своего владыки и разошелся по домам. А епископ после того всю ночь служил всенощную, литургию и молебны по разным храмам Мурома. Затем, взяв образ богородицы, он пошел на Оку, чтобы покинуть греховный город.

Наповерку сказалось, что епископа хотели не убить, а просто изгнать из Мурома. „Народ и вельможи, собравшиеся изгнать своего владыку, по их мнению недостойного, хотели дать ему судно, что бы он плыл на нем, куда хочет“.

„Но, продолжает житие, святому не понадобилась услуга оскорбившей его паствы... Он, сняв с себя мантию, простер ее по воде и вступил на мантию, держа в руке святую икону. И тотчас святой Василий понесся против течения реки. Увидев такое чудо, все муромцы от стара и до мала со слезами говорили вслед ему: „О святой владыко Василий! Прости нас грешных рабов твоих, согрешивших пред тобою. Кому оставляешь нас сирых? Не забудь нас, рабов твоих“.

«Но святитель был уже далеко: во мгновение он исчез из глаз муромского народа вверх по Оке». Через шесть часов он был уже под Рязанью, в двух сотнях верст от Мурома. И, хотя тогда не было ни телефона, ни телеграфа, рязанцы каким-то способом заблаговременно узнали, когда прибудет к ним Василий на своей мантии. «С большим торжеством, рассказывает житие, встречен был святой Василий в Рязани: сам князь, все духовенство города с крестным ходом вышли навстречу ему».

Греховные мудрецы были наказаны тем, что они, как уверяет житие Василия, получили сбидное прозвище «святоговов», и изгнанный ими святой был вознагражден тем, что сделался

епископом рязанским, и с этого времени епископский престол навсегда перешел из Муром в Рязань. Таким образом очень и очень светская борьба между Муромом и Рязанью получила церковное завершение.

По политическим причинам рязанцы стали на сторону Василия и создали сказания об особенной святости своего первого епископа и о его чудесном путешествии в Рязань. Отстаивая свою политическую самостоятельность, всякая крупная область древней России создавала многочисленных святых и окружала их память сказаниями об их прижизненных и посмертных подвигах и чудесах. Это—местные христианские боги, подобные языческим богам покровителям отдельных городов и мелких государств.

Особенно много таких богов выдвинул Новгород. В борьбе сначала с Киевской Русью, и том с Владимиро-Суздальской и, наконец, с Московской, он как бы старался о том, чтобы по числу святых не уступить соперникам: он старался противопоставить им достаточно внушительное небесное войнство.

Епископы и архиепископы новгородские—почти сплошь святые, почти все они творили чудеса при жизни и по смерти и почти все оставили мощи. Но и великим же искушениям подвергались почти все эти святители. С некоторыми бывали и такие происшествия, как с Василием Рязанским.

Житие святого Никиты (Жития, книга пятая, стр. 930 и сл. Дополнение второе, стр. 193 и сл.), который был епископом в Новгороде 700 лет тому назад, показывает, насколько трудно бывает отличить праведника от соvrащенного дьяволом,—и как легко беса принять за ангела или даже за самого бога.

Никита начал свои подвиги в Киево-Печерском монастыре. Он попросил у игумена благословения подвизаться в одиночестве и уединиться в затворе, но получил в ответ: «сын мой, не будет тебе пользы при твоей юности *видеть праздно*». Игумен сослался на примеры затворников прельщенных бесами. Но Никита не послушался, заключился в пещере, крепко загородил вход и неистово молился.

Искушение началось с того, что как то, «воспевая молитвы, Никита слышал голос молящийся вместе с ним, и почувствовал неизъяснимое благоуханье. Прельщенный инок подумал: «если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь такого благоухания святого духа».

«Никита начал еще с большим жаром молиться, взывая: «господи, явись мне сам, чтобы я мог видеть тебя». И тогда был к нему голос: «не явлюсь тебе, потому что ты юн,—чтобы ты не возгордился и не пал». Затворник продолжал слезно просить: «никогда, господи, я не соблазнюсь. Меня научил игумен не внимать бесовским искушениям,—но я исполню все, что ты повелишь».

Из рассказа не видно, кто до сих пор подпевал молящемуся Никите, т. е. повторял за ним слова молитв, кто распространял

благоухание, и кто говорил с ним. Мо^г ли дьявол участвовать в таких душеспасительных упражнениях? Но если это был бог или ангел, то приходится признать, что они подготовляли ловушку, в которую бес уже совсем легко мог поймать Никиту. Выражаясь современным языком, Никита сделался жертвой самой ужасной, самой злостной, поистине сатанинской провокации.

Житие продолжает: «тогда душепагубный змей, получив власть над н^{им}, сказал: «человеку, облеченному плотию, невозможно видеть меня. Поэтому я посылаю ангела моего, чтобы он пребывал с тобою, а ты твори его волю».

Подделка, — если не при содействии, то по меньшей мере при безграничном попустительстве божием, — выполнена столь искусно, что никакой праведник не сумел бы пронюхать в ней пагубную игру нечистого. То же и дальше.

«Затем тотчас предстал пред Никитою бес в образе ангела. Никита пал на землю и поклонился ему, как, ангелу».

Человеческое общество изменяется, изменяются люди, а вместе с тем изменяются и соблазняющие их бесы. И даже в одно и то же время для людей разных общественных положений существуют разные бесы. Молодую солдатку они соблазняют на прелюбодеяние, чиновника — на казнокрадство и взятки, владельца постоянного двора — на убийство заночевавшего богатого путника, заплывшего жиром монаха — на чревоугодие, пьянство и блуд, подвижника — на то, чтобы пуститься во все тяжкие. И, разумеется, появление самых соблазнительных помыслов всякий приписывает бесу.

Хотя Никита умер в начале тринадцатого века, но сказания о нем окончательно сложились в шестнадцатом веке, отчасти, может быть, во второй половине пятнадцатого века. Россия того времени глубоко втянулась в мировую торговлю. Через нее пролегли главные торговые пути из Западной Европы на богатый Восток: в Персию, в Туркестан, на Кавказ, отчасти даже в Индию и Китай. Другие, более удобные пути были загорожены для западных европейцев турками.

Вся экономическая жизнь России стала перестраиваться по-новому: на нее все быстрее надвигался торговый капитал. Желая получить наибольшее количество продуктов, которые можно было бы обменять на заманчивые предметы роскоши, идущие с Востока: на шелковые ткани, парчу, вина, драгоценные камни, пряности, помещики все больше обдирали и закрепощали крестьян. Развертывал свою деятельность скупщик, без которого мелкий ремесленник уже не мог сбыть своих изделий, и закабалая себе этого ремесленника. Мелкие и средние купцы, торговавшие внутри России, попадали в экономическую зависимость от крупных купцов, которые вели оптовый торг с заграницей.

Разрушались прежние экономические устои. И те слои, которые больше всего страдали от этого разрушения, с великой ненавистью смотрели на погрязший в грехах Запад, изменивший прадедовским обычаям, и на все, что шло оттуда.

Расширение торговых связей и дел требовало расширения и тех жалких знаний, того скудного образования, которые были вполне достаточны для древней России. Перемены коснулись в конце-концов и религии. Приходилось дать себе более ясный отчет в основах вероучения. Во второй половине пятнадцатого века впервые были переведены на славянский язык и собраны те сочинения, которые называются библией. Многие из высших духовных лиц впервые получили возможность познакомиться с ветхозаветными книгами.

Это было уже само по себе новшеством, вызывавшим подозрительное отношение. А тут еще появилась ересь, которая у победивших противников получила название ереси «жидовствующих» и которая по их уверениям признавала только книги ветхого завета.

Сказания о епископе Никите все перепутали: они, как мы сейчас увидим, отнесли к самому началу тринадцатого века то, что могло произойти только в шестнадцатом веке и во всяком случае не раньше конца пятнадцатого века. Сказанию, сложившемуся в пятнадцатом-шестнадцатом веке, придан такой характер, что оно служит посрамлению «жидовствующих», как слуг дьявола, опорочивает чтение книг—даже ветхозаветных божественных книг,—как служение бесам!

Возвращаемся к сказанию. Никита пал на землю и поклонился бесу, явившемуся пред ним в образе ангела. И сказал ему бес: «с этого времени ты уже не молишься, но читай книги. Этим путем ты будешь беседовать с богом и будешь подавать полезные наставления приходящим к тебе, а я всегда буду молить творца всех о твоём спасении».

Бес явился во образе ангела и обещал молиться творцу всех! Уж не он ли вместе с Никитой напевал молитву и не он ли и раньше говорил с ним? Поистине сатанинская провокация! Перед ней меркнут все подвиги Азефа, Гернгросс Жученко и Романа Малиновского.

Житие повествует дальше: «Затворник поверил этим словам и, оболещенный, уже более не молился, но стал ревностно читать книги. При сем он видел беса постоянно молящимся о нем и радовался, думая, что это ангел творит за него молитву». Думал, очевидно, потому, что бес принимал вид ангела и молился так, как молятся все самые православные христиане. И бог почему-то не положил конца такому дьявольскому обману! Ему зачем-то понадобилось подвергнуть Никиту такому испытанию, перед которым, пожалуй, не устоял бы и сам ангел.

Никита, продолжает житие, начал пророчествовать, и *все предсказанное им сбылось...* Точно так же, когда приходили к затворнику искавшие у него слова утешения, то бес, почитавшийся им за ангела, сообщал ему все случившееся с ними».

Сколько бывало в разных монастырях старцев, затворников, прозорливцев! И они сами, и приходящие к ним считали их дар

прозрения даром духа святого. А вот теперь оказывается, что это — от дьявола. Житие приводит изумительный случай пророчества Никиты. Однажды он сообщил князю Изяславу: «сегодня убит князь Глеб Святославский, — потерпись послать на освобожденное место своего сына Святополка». И все произошло так, как сказал Никита, отдаленный от места происшествия сотнями верст, почти непроходимыми топиями и лесами.

Современные авторы житий сами начинают чувствовать, что Никита несколько не похож на слугу дьявола, а похож скорее на сотни святых, о которых рассказано в этих очень больших, очень толстых и, в общем, очень неумных четырнадцати книгах. Составители житий начинают изворачиваться и от себя делают такую вставку: «на самом деле бес, конечно, не знает будущего, но что он сам делал, — если, напр., он научил злых людей убить или украсть, — то он и возвещает».

Замечательно убедительное объяснение! Совершенно так же можно сказать: «ангелы и сам бог не знают будущего; но что они сами делают, — если, напр., они попустят злым людям убить или соблазнить человека, или погубить его душу, или если они научат добрых людей совершить хорошее дело, — то они и возвещают». Какая же в этом отношении разница между добрыми и злыми богами?

Но в чем же в таком случае проявлялась власть бесов над Никитой и как были раскрыты козни дьявола? Жития говорят:

«Но вот что обратило на себя особенное внимание печерских подвижников: никто не мог сравняться с Никитой в знании книг ветхого завета; все он знал наизусть: книгу Бытия, Исход, Левит, Числ, Судей, Царств, все пророчества по порядку. Вообще все книги ветхозаветные он знал очень хорошо, а святых евангельских и апостольских книг, данных нам по благодати божией для нашего спасения и утверждения в добре, он никогда не хотел ни видеть, ни слышать, — не только читать. Ни с кем он не хотел и беседовать о новом завете. Отсюда и стало ясно для всех, что *инок Никита прельщен врагом человеческого рода*».

Сектанты (еретики) пятнадцатого шестнадцатого века, действительно, с особенной любовью обращались к ветхозаветным произведениям. Новозаветные книги возникли в разложившемся римском обществе. В них много рабской приниженности, много нищенского смирения, в них часто говорится безнадежно-равнодушное отношение к подлой действительности, в них нет призывов к решительной борьбе с эксплуататорами, с угнетателями.

В ветхом завете, напротив, еще сохраняются смутные воспоминания о тех временах, когда широкие народные массы умели постоять за себя. Он рассказывает, как народ, свергая тиранов-царей, творит божью волю. Ветхозаветные пророки обрушиваются с пламенными обличениями и проклятиями на ростовщиков, на знать, захватывающую землю у крестьянства, на купцов, на всех

паразитов, которые теснят, грабят, разоряют, прожирают и высасывают крестьянство.

По отрывочным сведениям, которые дошли до нас о секте „жидовствующих“, она нашла много приверженцев среди эксплуатируемых классов того времени. И, подобно западно европейским коммунистическим сектам, духовное оружие против эксплуататоров она искала преимущественно в ветхом завете.

Можно же представить себе, какой страх нагнала она на эксплуататоров, если они дошли до того, что изучение книг ветхого завета, т. е. книг священных и для них, объявили бесовским делом!

Только потому, что Никита, не разгибаясь, сидел над этими книгами, „стало ясно для всех, что он соблазнен диаволом“. „Не могли потерпеть этого преподобные отцы печерские“, продолжает житие. Для его обличения и спасения к нему пришел целый синклит святых: игумен Никон, Иоанн, который был игуменом после него, Симеон постник, Исаия, впоследствии ростовский епископ, Матфей прозорливец, Исаакий затворник, Григорий чудотворец, и т. д. и т. д.: житие перечисляет тринадцать святых, живших тогда в Киево-Печерском монастыре.

Усилия стольких праведников принесли немедленные результаты. „Все они, прославленные добродетелями, пришедши, вознесли молитвы к богу о Никите и отогнали от него беса, так что Никита уже не видел его“. То-есть перестал видеть ангела, про которого только впоследствии решили, что это был не ангел, а бес.

Произошло глубокое, полное исцеление. „Выведя Никиту из пещеры, они просили, чтобы он сказал им что-либо из ветхого завета. Он же стал клясться, что никогда даже не читал тех книг, которые недавно знал наизусть; он даже не умел прочесть ни одного слова из них. Теперь его едва-едва могли научить грамоте“.

Вот как основательно сделали свое дело святые отцы! Отогнали беса и вместе с тем вышибли из головы весь ветхий завет. Да и не только ветхий завет, но и самое умение читать. Современные люди, насквозь испорченные бесовской наукой, скажут, что с Никитой, под воздействием тринадцати праведников, — дюжины, которая получила далеко не благочестивое название, — произошло внезапное умопомешательство, и он впал в младенчество. А благочестивые люди сказали, что от него отогнали врага рода человеческого.

Дальше все пошло по-хорошему. „Пришедши в себя по молитвам преподобных отцов, Никита исповедал свой грех и горько раскаивался в нем. После этого он наложил на себя особенное воздержание и подвиги, начал вести строгую и смиренную жизнь и превзошел других в добродетели. Человеколюбивый господь, видя такие подвиги блаженного Никиты, не отвергая и прежних его добродетелей, в которых он упражнялся со дней юности, принял его истинное покаяние и знамение принятия покаяния

дал блаженному Никите. За премногую любовь его, обнаруженную в соблюдении заповедей, господь сотворил его пастырем своего словесного стада, возведши его на Новгородский епископский престол".

В чем заключалось упоминаемое „знамение“, в житиях не рассказано. Таковым не могло быть назначение епископом. В житиях рассказывается о многих епископах, которые были сторонниками ереси „жидовствующих“, грешниками, распутниками, проходимцами.

Однако голова пойдет кругом, если мы станем разбираться, почему церковь того или другого монаха возвела в епископы, и даже больше: почему она какого-нибудь монаха или епископа объявила святым. Вот например, новгородский архиепископ Геннадий (конец пятнадцатого и начало шестнадцатого века). Жития прямо говорят, что он был взяточником и после постановления собора, угрожавшего за поборы при назначении на духовные места извержением из епископского сана, „стал брать мзду за поставление еще более прежнего“. (Дополнение первое, стр. 466). Но церковь объявила этого архиепископа-взяточника святым. 4 декабря служит ему молебны и уверяет, что в московском Чудовом монастыре почивают мощи этого блаженного взяточника-архиепископа. Такое отношение господствующей церкви Геннадий снискал тем, что он был озлобленным гонителем „жидовствующих“, требовал и добивался их ссылки, наказания кнутом на площади, клеймения, заключения в тюрьмы, даже смертной казни.

Во всяком случае, назначение Никиты в епископы никак нельзя признать „знаменем“. И, дальше, напуганные теми знамениями, которые раньше получал Никита, верующие могут спросить: да была ли какая-нибудь возможность установить, что и новое знамение не было от дьявола? И не случилось ли так, что, повихнувшись в уме, он только тут и попал в сети врага рода человеческого? И где доказательства, что раньше он был в бесовской власти? Что ни вопрос, то бездна недоумений.

Путаются святые отцы, когда они говорят о бесовских искушениях и о явлении ангелов. Смотря по обстоятельствам, они и беса объявят ангелом и ангела бесом.

5.

„Отец Сергей“ Толстого.

Когда появилось посмертное издание произведений Толстого, много писалось и говорилось об его «Отце Сергии». Но, кажется, никто еще не указывал, что это произведение навеяно на Толстого житиями святых.

По содержанию ближе всего подходит к рассказу Толстого жития преподобного Мартиниана (13 февраля) и в особенности Иакова Постника (4 марта).

Подвижничество Мартиниана (он жил в четвертом веке) началось с 18 лет и без всяких искушений продолжалось 25 лет. Он уже начал совершать исцеления и другие чудеса. После многих безуспешных попыток совращения дьявол выдвинул самое сильное бесовское средство против подвижника.

«Случилось, рассказывают жития, что некоторые жители Кесарии беседовали между собою о добродетельном житии Мартиниана. Они много дивились его мужеству и терпению. Некая жена блудница случайно услышала сию беседу. По дьявольскому наущению, она приступила к сим мужам с такими словами:

«Почему вы так дивитесь житию этого подвижника? Разве уже он так тверд в добродетели? Если только захочу, я могу поколебать его, как ветер колеблет лист на дереве. И что достойное хвалы нашли вы в нем? Уж не то ли что он, подобно дикому зверю, удалился в пустыню, не будучи в состоянии бороться в городе с похотью плоти и мирскими соблазнами? И что удивительного, если он бесстрастным остается, не видя никогда ни одной женщины?» и т. д.

«После сих слов она поспорила на деньги с теми мужами и отправилась к себе в дом. Здесь она сняла свои богатые одеяния, облеклась в худые и разодранные одежды, покрыла себе голову рубищем и опоясалась веревкой. А всю свою богатую одежду, кольца и серьги, золотые перстни и все, что прельщает ум и глаза юношей» (в данное время Мартиниану было 43 года, — возраст далеко не юношеский), «она вложила в мешок и взяла его с собою. Вечером она вышла из Кесарии и ночью пришла на ту гору в пустыне, где жил преподобный. Ночь была дождливая и бурная».

После великих колебаний, полный страха перед соблазном, Мартиниан, уступая ее мольбам, в конце концов впустил ее и, разведя огонь и дав финиковых плодов, оставил во внешней половине кельи, а сам удалился во внутреннюю и, заперев за собой двери, стал воспевать псалмы и молитвы. «После сего он лег на землю и уснул. Но сатана смутил его в ту ночь похотью плотскою. В полночь жена, встав, вынула из мешка все свои украшения и надела их на прельщение святого». Утром он вышел и, увидав ее в богатой одежде и украшенную, «в ужасе остановился и долгое время молчал».

Последовал продолжительный разговор. Блудница оказалась сильной не только в своем ремесле, но и в богословии. Она буквально засыпала его доказательствами из священного писания. «Разве не сказал апостол Павел: «честна жена и ложе не скверно». Кто из пророков лишился царствия небесного лишь за то, что имел жену? Праотец Авраам имел трех жен — и был наречен даже другим божьим. У Иакова было две жены и две наложницы, а он мог бороться с ангелом и удостоился зреть божью славу», и т. д. «Слыша слова, какие говорила сия жена или, лучше сказать, сам дьявол, древний человекоубийца, ее словами, Мартиниан начал колебаться, помышляя о совершении греха».

Мартиниан вышел посмотреть, не приближается ли какой-нибудь путник, который мог бы накрыть их на грехе, и взойшел на камень, чтобы взглянуть на дорогу. «Сходя с камня, Мартиниан нашел иссохший хворост, взял его и внес в свою келью. Положив его посредине келии, он зажег его. Когда огонь сильно разгорелся, святой, сняв свои сандалии и вступив в огонь, стоял там до тех пор, пока огонь не начал опалить все его тело».

В конце-концов он не только не пал, но и обратил на путь истинный ту женщину, которая пришла соблазнить его, но вместо того сделалась подвижницей и под именем святой Зои вошла в святцы (память ее—13 февраля).

Рассказ о преподобном Иакове Постнике в начале очень близок к рассказу о Мартиниане. Отличия не существенно существенные: по внушению диавола, враги Иакова *нанимают* женщину, чтобы она соблазнила праведника; введенная во внешнюю половину кельи, женщина притворилась больной и стала плакать и стонать, прося о помощи. Иаков, «зажегши огонь и принеся святой елей, сел около нее. Держа свою левую руку на огне, святой омокнул правую руку в святой елей и прикоснулся телу женщины, то творя крестное знамение; то помня и сгревая рукою ее сердце, ибо она жаловалась на сильную боль в сердце».

«Движимая нечистыми пожеланиями, женщина хотела и в святом возбудить похоть и склонить его ко греху, и потому говорила ему: «умоляю тебя, отец, еще помажь меня елеем и согрей рукой мое сердце, дабы совсем прекратились мои страдания». Блаженный Иаков, будучи прост сердцем и незлобив, поверил словам женщины и исполнил, что она просила. Но, зная бесовское прельщение, воздвигающее брань против плоти, и боясь, как бы от излишнего милосердия и соболезнования к женщине не привести свою душу к вечной гибели, в течение двух или трех часов держал свою левую руку на огне, с твердостью преодолевая боль до тех пор, пока не отвалились суставы пальцев».

И конец на этот раз такой же, как в жизни Мартиниана: святой устоял и спас женщину. После этого слава его возросла, и он творил многочисленные чудеса. Но продолжение жития такое же, как в «Отце Сергии». Житие рассказывает, что Иаков впал в тяжкое прегрешение. «Это произошло, вероятно, потому, что он стал много думать о своей святости и благоугодной жизни и считать себя великим подвижником».

Дело началось с того, что «исконный враг рода человеческого, диавол, завидующий проводящим жизнь богоугодно и непрестанно копящий для них ров гибели, вошел в отроковицу, дочь одного богача, и стал мучить ее, призывая ее устами имя Иакова и говоря: не выйду из нее, если не отведете меня к Иакову Пустыннику».

Родители уступили ее настояниям. «Святой, став на молитву, столь усердно помолился о ней богу, что даже самое место, где он стоял, потрескалось. По окончании молитвы Иаков дунул на

отроковицу и сказал нечистому духу: «именем господя нашего Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из сей отроковицы». И тотчас диавол, как бы опаленный огнем, вышел из девицы».

Родители, боясь возвращения диавола, попросили святого оставить их дочь у себя на три дня. Их опасения были основательны: бес, очевидно, был только ошеломлен и «опален» огнедышащим праведником, но не отогнан достаточно прочно: не даром он сам просил, чтобы девицу отвели к пустыннику. „Видя, что святой находится в пустынном уединенном месте вдвоем с отроковицей, и находя, что настало самое удобное время для его козней, диавол воздвиг на подвижника бурю нечистых помыслов и скверного плотского вожделения и так разжег его похоть, что святой муж,—тот самый, который раньше не мог быть уловлен прельщением посланной к нему самарянами блудницы, тот, который ради сохранения целомудрия и чистоты жег на огне свою руку, тот, кто сотворил многие чудеса и изгнал бесов,—так сильно был разжег блудною похотью, что, забыв страх божий и свои многолетние постнические подвиги и посланную ему от бога благодать и силу исцелений, будучи уже в маститой старости, был побежден диаволом и пал. Он изнасиловал девицу, растлил ее и свое девство и, осквернив тело и душу, погубил все свои прежние постнические труды“. Совершив одно преступление, он, чтобы скрыть следы, убил девицу и бросил ее труп в реку. „Таков плод горделивого сомнения, ибо, если бы инок не считал себя свитым и великим в добродетели, то не впал бы в такие лютейшие грехи и не поругался бы враг над старостью того, кто в юности некогда победил его ухищрения“.

Житие рассказывает о глубоком отчаянии, охватившем Иакова и затем о раскаянии. Он поселился в пещере, где некогда хранили мертвецов, и провел в ней десять лет, питаясь травами, произрастающими в тех местах. После такой подвижнической жизни ему было откровение, что грехи его прощены. „Посему он снова начал совершать многие чудеса, ибо все проводимые и приносимые из всей той страны больные, одержимые каким-либо недугом, тотчас получали исцеление, и бесы были прогоняемы словом святого“.

Так как свое преступление он совершал, уже будучи „маститым старцем“, то дьявольские соблазны теперь, конечно, не имели над ним никакой силы. Как ни убивал он свою плоть, время искушений для него, естественно, уже давно миновало.

* * *

Перед нами—святые, вся жизнь которых была ухлопана на помыслы исключительно о своей душе, о своей собственной драгоценной особе. Можно ли при действительной любви к людям бежать от людей, от человеческого общества? Эти святые и сами не скрывали, что к бегству их побуждал *страх* перед людьми. Не добра, а зла ждали они от людей и поворачивались к ним спиной.

Можем ли мы чтить этих людей? Мы тоже ненавидим существующий пока еще почти во всем мире общественный строй: эксплуататорский, угнетательский, собственнический. Но мы не доставим угнетателям удовольствия видеть, как мы бежим от их общества и становимся где нибудь в сторонке, бездельно скрестив на груди бездельные руки. Да и не можем бежать мы из этого общества, так как нас — миллионы и многие десятки миллионов, и с каждым днем нас становится больше.

Наша задача — не скрыться, не отойти в сторону от мира злобы и угнетения, а пройти по нему освежающей бурей, очищающим великим потоком: перевернуть этот мир вверх дном и навсегда уничтожить всякую эксплуатацию, всякое угнетение.

Теперешний рабочий, теперешний крестьянин, захваченный великой революционной борьбой, отнесется с великой жалостью и состраданием к церковным святым. Если только они жили так, как говорят о них сказания, то они убивали свои, часто большие силы, не на борьбу с действительным злом и неправдой, а на борьбу с призраками, порожденными их собственным больным воображением, которое они калечили и в то же время разжигали безнадежными попытками сокрушить свою собственную природу.

Теперешний рабочий, теперешний крестьянин, захваченный последней, решительной схваткой с миром эксплуатации и угнетения, не доставит помещикам и капиталистам той радости, что он будет убивать свою плоть и отдавая им почти все продукты собственного труда, для себя, для своих детей и внуков согласится на полуголодное существование, лишенное всякого света, всякого луча радости.

Он скажет им: ваша эксплуататорская церковь, слуга всех угнетателей и сама угнетательница, призывает к лишениям, к подвигам, к умерщвлению плоти? Хорошо, я отберу у вас собственность, которая обеспечивала вам бездельное и роскошное существование, а миллионы и сотни миллионов работников осуждала на вечные лишения и нужду, на голод и вырождение; я поставлю вас в такие условия, что вам тоже придется работать.

Сломав и уничтожив ваш мир, я построю новый, в котором человек до полного расцвета развернет все человеческие силы. Я, как орел, — нет, не как орел: человеческий взор сильнее, — окину взором всю природу, весь сияющий мир, я подчиню его своей воле, — я превращу его в рай, о котором и не грезились вашим святым.

Ваши святые — не мой герой, не мой идеал. Им суждено погибнуть вместе с вашим миром: с его богом, его ангелами и его дьяволами, — со всеми этими призраками, страхом перед которыми угнетатели хотели держать в покорности угнетаемых.

Почему переводятся святые и ведьмы, боги и дьяволы?

I.

Мир давно изменился. Ангелы и святые, и сам главный бог уже много десятилетий не являются людям и не беседуют с ними.

Впрочем, это не совсем верно. Древние старухи, в особенности богаделенки, каждую ночь переживают чудесные сновидения. Делать им больше нечего, как только видеть сны да рассказывать о них своим соседкам и задаваться глубокомысленным вопросом: каков сокровенный смысл тех происшествий, которые они ежедневно переживают во сне?

К их глубокому сокрушению, не всегда они видят только праведников, ангелов и райские селения и слышат голос с неба, который вещает: „раба моя Маланья, скоро я тебя к себе призову. Готовься к последнему странствованию“. Бывает, что видят они и мерзкого дьявола и своих родственников, горящих и не сгорающих в вечном геенском огне.

Приходится поставить лишнюю свечку, положить несколько больше обычного земных поклонов, лишний раз подать записочки или поминанья с именами за здравие и за упокой, да почаще читать: „Да воскреснет бог“ или встревоженно приговаривать: „аминь, аминь рассынься“, и ежедневно отстаивать одну лишнюю кафизму.

Но не те теперь времена! Никто не придает серьезного значения этим богаделенным снам. И сами богадельки помнят их только до следующего сна, т. е. до завтра, — и только особенно страшные и запутанные сны не выходят у них из памяти на день другой.

Поппадают, впрочем, и среди молодых люди, которые уверяют, будто они на яву разговаривают с большими и малыми, с главными и второстепенными богами. Они сами верят в свои рассказы и видения. Если сравнить их с сотнями повествований, внесенных в житиях святых, то окажется, что между ними нет никакой существенной разницы. Но весь мир изменился. И этих людей, которых в старые времена объявили бы праведниками, блаженными, юродивыми, прозорливцами, теперь признают сумасшедшими, нервнобольными людьми. К ним не идут десятки и сотни поклонников и почитателей, у них не ищут разрешения мучительных вопросов: их отправляют в больницы и там лечат и излечивают, — излечивают от болезни, но вместе с тем и от их божественных видений.

Весь таинственный мир, о котором рассказывается в так называемом священном писании и в житиях святых, куда-то исчез, он не существует, его просто нет для современного здорового че-

ловека. Весь этот мир сохранился только в народных сказках, которые однако все больше забываются даже в деревне. Взрослые относятся к ним, как к праздным измышлениям, и только бабушки рассказывают их своим внукам, — отчасти для того, чтобы их по-забавить, отчасти для того, чтобы слегка припугнуть расшалившихся ребятишек. Сделавшись сказочным миром — миром простоватых чертей, которых проводят мужик, миром волшебниц, колдуний, ведьм и ру алок, — этот мир лишился всякой таинственности. Он уже не запугивает, не тревожит здоровых и умных людей, — он не оказывает влияния на их жизнь и поведение. И это — все, что осталось от тех страшных дьяволов, которые соблазняли подвижников!

Больше чертовщины сохранилось в медвежьих углах, в особенности там, где пришлое русское население, рассеянное и разрозненное, затерялось среди отсталых племен. По уровню своего экономического и культурного развития эти племена не далеко ушли от старой Европы с ее тысячами и десятками тысяч ангелов и бесов, святых и одержимых нечистою силой, прорицателей и колдунов подвижников, блаженных и ведьм. Весь быт таких углов близко подходит к условиям, при которых возникали христианские верования. Но теперешняя церковь не признает этого. Она уверяет, что ее истинная вера глубоко отличается от „суеверий“, сохраняющихся в деревне вообще и в захолустьях — в особенности.

В чем же отличие веры от суеверий?

II.

Несколько лет тому назад, когда я жил в Астраханской губернии, я был немало удивлен, увидав, что на всех дверях и окнах одной деревенской избытки наклеены бумажки с надписью: „Прасковий Ивановны дома нету“.

Сама Прасковья Ивановна, которая в действительности сидела дома, рассказала мне, что она уже несколько недель мается от лихорадки и сделала эти надписи, чтобы отделаться от нее.

Это — народное поверье, это — суеверие, скажет почти каждый читатель. А поп назидательно возвестит, что все это — от темноты народной.

Но тот же поп одобрит рабу Божию Параскеву, если она запишет свое имя на бумажке и подаст ее для поминовения за здравие. Поп назовет ее имя, дьячок прокричит сорок раз „помилос-помилос-помилос“ (господи помилуй), быстро пробормочет другие молитвы. Это — не суеверие, а истинное благочестие, дело истинной веры.

Если призовут ворсжею, и она, шепча заклинания против сестер лихоманок, польет водой угольки и потом изо рта спрыснет больную этой водой, перед нами будет явное суеверие, и всякий поп станет с сокрушением говорить о той власти, какую суеверия имеют над простыми умами.

А если пригласишь того же попа отслужить над больною молебен, он придет, будет петь и читать об отогнании дьявола и с огромной кисти побрызгает на больную водой, которую все называют святою водой. Это—дело веры, приглашение попа—пример, которому должны подражать все истинные чада церкви.

Нелепость и суеверие, когда приглашают колдуна исцелять «порченую». Но благочестивое дело—свозить эту порченную к чудотворной иконе, силой которой из нее могут быть изгнаны бесы.

Язычество и нелепость признавать священными камнями, деревья, источники; великое суеверие приписывать божественную силу кусочкам от этих камней, щепочкам от этих деревьев, воде из этих источников.

А вот жития святых, изданные теперешними епископами и попами, рассказывают, как больной получил исцеление от земли, лежавшей около костей Иулиания, признанных за это и за другие «чудеса» мощами, как несколько больных исцелились, выпив кваса, взятого из Звенигородского монастыря, и жития приводят врачевание этим божественным квасом в доказательство, что Савва Звенигородский (Сторожевский)—действительный святой, действительный бог.

Для составителей „Житий“ все это вера, а не суеверие. И вера это потому только, что их вера—господствующая и что жрецы этой веры принадлежат к господствующим классам общества.

Они не терпят конкуренции старинных верований. Они объявляли старинных богов бесами, а старинные верования—суеверием.

Свои заклинания они называют молитвами, а старинные заклинания—колдовством.

III.

Лошадь вчера была совершенно здоровая, а сегодня стояла понурая и не притрогивалась к корму. И все во рту у нее пересохло, и трясло ее, словно осиновый лист. А к вечеру она околела.

Здесь вспомнили, что вчера, когда ехали с покоса, повстречали старуху Панфиловну, которую в деревне давно считали ведьмой. Многие видали, как в полночь из трубы у нее что-то вылетало. И знали, что у нее часто бывает „летун“. Днем Панфиловна всегда ковыляет с костылем и кажется такой дряхлой, что неизвестно, как она на ногах держится. И всегда она что-то бормочет, и всегда гнется и смотрит в землю. А если на кого-нибудь взглянет, тут жди беды.

И вчера Панфиловна шла и бормотала, а потом вдруг остановилась, взглянула на лошадь и взмахнула клюкой. Не иначе, как все от Панфиловны. Ну, надо удумать это дело и пошабать с горбатой ведьмой.

А вот у соседа прошлым летом тоже случилась беда и все от той же колдуньи. Панфиловна прошла мимо водопоя. Через короткое время сначала у одной овцы случилась „вертячка“, за-

тем у другой, а потом и пошло! И никогда-то этого в деревне раньше не было. Баба покрепила овец святой водой, зажгла вербную свечу, много раз прочитала „Да воскреснет Бог“. Да не помогло все это. Звали попа, служили молебен с водосвящением, хорошо угостили весь причт. Да, видно, поздно спохватились. Этак ведь скоро житья не будет от проклятой старухи.

IV.

Паровоз тяжело пыхтел и стонал и тащил за собой необозримую вереницу тяжело нагруженных вагонов. Только вдруг что-то в нем зашумело, закричало и застучало, и начал он как-то дергаться. Пришлось поезд остановить, и остановился он как раз около какого-то села с церковью на пригорке.

Слезли машинист с его помощником, но не пошли в церковь за попами, чтобы те своими заклинаниями и волшебной водой изгнали бесов из паровоза. Машинист укоризненно сказал помощнику: «говорил тебе, что гайка не выдержит. Ее надо было поменять. Вот и копайся теперь среди поля».

Вынули гайку, поправили,—и поезд через несколько минут потащился до ближайшей станции. И нет на паровозе никаких бесов и ангелов. Машинист и помощник знают все его колесики, винтики, гайки и рычажки. И все это подчиняется их руке и их глазу. Они ухом слышат, все ли здесь идет, как следует.

И мчался другой, пассажирский поезд. И вдруг соскочил с рельс. Паровоз зарылся в насыпь, на него налетели вагоны, все смешалось в кучу. В несколько секунд были убиты машинист, кочегар и несколько пассажиров, да десятка два или три ранено и изувечено.

Ох, как многим хотелось бы свалить все это на дьявола, который повывергал костыли из шпал или развинтил рельсы! Все тогда остались бы правы.

Но железнодорожники разом сказали, отчего все это произошло. Подрядчики и поставщики хорошо смазали приемщиков, и в дело пошли гнилые шпалы и рельсы, которые следовало бы забраковать. И комиссия, которая расследовала крушение и очень хотела выгородить виновников, ни словом не обмолвилась о бесах, не сказала, что «во всякой беде бес виноват». Нет, железная дорога, как ни хитро устроена машина, не знает никакой чертовщины. Бесам здесь негде разгуляться.

В большом городе вдоль и поперек и по кругам бегут многочисленные трамвайные вагоны, и встречаются, и расходятся, и перекрещиваются, и останавливаются, и от поворота рукоятки вагоновожатым опять пускаются в путь, и разом невидимой силой везут тысячи и десятки тысяч пассажиров. И никому-то не приходит в голову, что это какой-нибудь святой Конон смирил бесов силой креста и молитвы и, выпустив их из своих глиняных горшков, заставил извозничать.

Но вдруг разом по всей линии остановились вагоны. И все пассажиры, и попы, и монахины, и набожные старушки ехавшие в вагонах, в один голос сказали: «тов прекратился». И никому не пришло в голову попросить попов выйти из вагонов и отслужить молебен, и покропить вагоны святой водой с огромных кистей, и сорок раз прокричать: «Господи помилуй», и прочитать «Да воскреснет бог и расточится врази его», и прогнать нечистую силу или заставить ее опять служить христианам. И ни одна старушка не откупорила бутылочки со святой водой и не побрызгала на вагон.

На электрической станции тоже не побежали за попами, не стали тратить времени на кресты и молитвы, — кое-кто крепко выругался, толез под машину, подвинул какой-то винтик, поправил проволоки, и через пять минут в вагонах вспыхнула лампочки, и они опять побежали по городу: и по кругам, и в оль, и поперек.

Хитрая вещь этот трамвай! В своих видениях святые никогда не видали ничего такого ни в аду, ни в раю. Ничего-то такого им и не грезилось. И сильная штука этот трамвай! Ежеминутно он незримою силой перевозит тысячи и десятки тысяч людей. Но, как ни хитра, ни сильна эта машина, здесь нет никакой чертовщины, — здесь нечего делать ни веел зевулу, ни богу.

Человек здесь не ворожит, не заклиняет, не служит молебнов, не брызгает водой с уголька или с креста, не прикладывает камушков, не приносит втки от мощей Сергия или земли с берегов Иордана: он уверенно действует, он строит, творить, направляет и повелевает. Он *знает*, как все это устроено, и как все это делается.

V.

Было время, когда человечество не знало, как и отчего все происходит. Тогда весь мир был населен для человечества злыми и добрыми духами. А так как человек боролся за свое существование с пустыми руками, то тяжела для него была эта борьба. Злых духов было больше, чем добрых, чертовщины больше, чем божества.

Не зная, от чего что происходит, человек умолял добрых духов прийти к нему на помощь и заклинаниями отгонял злых.

В тех делах, которые мы знаем, нет места вере. Нет места вере на паровозе, на трамвае, на фабрике, на заводе. Человек знает здесь силы природы, знает силу пара и электричества. Зная их, он их производит, он заставляет их служить себе.

Человечество узнало причины многих болезней, и знает, как от них уберечься. Для святого Конона оспа была от бесов. Он будто бы усмирил их и заключил в глиняные горшки. Современное человечество применяет от оспы прививку, и знает, почему она спасает от оспы, и на сколько лет она действительна. Теперешний человек не скажет, что оспа от колдуньи, вызвавшей

злых духов, и не позовет ворожею, чтобы она заклинаниями и водой с уголька прогнала нечистую силу.

Сыпной тиф и лихорадки святыми приписывались действию бесов. Теперь мы знаем, что некоторые лихорадки разносит комар, а сыпной тиф — вошь, и знаем, какие причины порождают эти болезни. И знаем мы, что, когда будет больше мыла, топлива, бань, мы, покончив с вошью, покончим и с тифом. Здесь тоже не осталось места богу и дьяволу, — вера уничтожена знанием.

Много еще не знает человечество. Но, узнав многое, оно поняло, что узнает и то, что пока остается ему непонятным. Не заклинаниями, не молебнами, не ворожкой надеется оно подчинить себе силы природы, а дальнейшей упорной, настойчивой работой познания.

Верующий человек, встретившись с непонятной для него вещью, говорит: «это от бога» или: «это от дьявола». И ему кажется, что он уже постиг эту вещь. Ум его засыкает, его познание останавливается.

Человечество многого еще не поняло, не узнало, не уразумело. Но мы, встретившись с тем, что нам еще не известно, говорим: «этого мы не знаем». И если мы этого не знаем, то наш ум начинает работать, чтобы понять и узнать. «Этого мы не знаем» означает для нас: «пока не знаем, но можем узнать».

Сказав: «это от бога» или: «это от беса», ум человеческий упирался и теперь упирается в глухую стену, перед которой останавливается в расслабляющем сознании своей полной беспомощности.

Сказав: «этого человечество пока не узнало», человек тем самым говорит: «причины этого пока лежат за нашим умственным горизонтом. Пойдем же вперед и поднимаемся выше — тогда мы все это узнаем, как уже многое постигнуто человечеством».

Но те, кому еще неизвестно, как многое уже постигнуто человечеством, до сих пор безпомощно барахтаются в сетях веры. Им невдомек, что человечество все глубже начинает нащупывать те гайки и винтики, от которых зависит жизнь растений и животных и от которых зависит все, что делается в природе. Не зная этих гаек и винтиков, не зная, как далеко ушло человечество в их понимании, эти люди верят в дьяволов и богов, в злых и добрых духов, в бесов и ангелов, в ведьм и попов, вмешательством которых они будто бы объясняют происходящее, а на самом деле оставляют его непонятым.

Но не только в природе, — люди не разбираются и в обществе. И эксплуататоры, угнетатели, паразиты всеми средствами мешали тому, чтобы массы разбирались в тех винтах, гайках и рычагах, которыми движется эксплуататорское общество. Они вдабливали массам, что страдания происходят не от угнетателей, не от кровопийц, не от мошенников, не от праздных и богатых эксплуататоров, а от поущения божеского, от дьявола, от недостатка веры и смирения.

Боясь того, что массы *узнают, поймут*, чем держится и чем живет эксплуататорское общество, они дурманят, дурачат и туманят массы верой в бога и дьявола, в ангелов и бесов, в кадило и ладан.

И сами втихомолку издевательски хохочут над одураченными верующими массами,—хохочут так, что трясутся их рыхлые щеки и прыгают раздутые животы...

В великой борьбе и великих страданиях этой борьбы рождается новое человечество: человечество работников, машинистов, вагоновожатых. Рождается человечество, взор которого не затуманен никакой верой. Рождается человечество, взор которого ясен знанием природы и общества.

Умирают, переводятся все боги и все безы, потому что рождается новое человечество, которое своим трудом, своею борьбой, своими страданиями приходит к познанию и подчинению сил природы и общественных сил.
